

Лилия Дерябина

БЕЛЫЕ ЛИЛИИ,

или История маленькой девочки
из Советского Союза,
бывшей узницы лагеря для военнопленных

Книга вторая
ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Лилия Дерябина

**БЕЛАЯ ЛИЛИЯ,
или
История маленькой девочки
из Советского Союза,
бывшей узницы лагеря
для военнопленных**

**Книга вторая
Послевоенное детство**

ГРУППА
ПРЕДПРИЯТИЙ
ПЦБК

Редакция благодарит Группу предприятий ПЦБК за помощь в издании книги

Лилия Дерябина

БЕЛАЯ ЛИЛИЯ,

или

**История маленькой девочки
из Советского Союза,
бывшей узницы лагеря
для военнопленных**

Книга вторая

Послевоенное детство

Пермь
«Аргументы и факты — Прикамье»
2020

УДК 82
ББК 84 (2Рос-Рус) 6-4
Д 36

Дерябина Л. В.

Д 36 Белая Лилия, или История маленькой девочки из Советского Союза, бывшей узницы лагеря для военнопленных. Книга вторая. Послевоенное детство. — Пермь: «Аргументы и факты — Прикамье», 2020. — 80 с. — Илл.

Автобиографическая повесть бывшей малолетней узницы фашистских лагерей.

УДК 82
ББК 84 (2Рос-Рус) 6-4
Д 36

© Лилия Дерябина

Глава первая

НАШ ПУТЬ НА ВОСТОК

Мы успешно прошли проверку нашей лояльности в годы войны органами НКВД. Маме выдали советский паспорт, справку НКВД о нашем пребывании в немецком плену, которую нужно было предъявлять вместе с паспортом, билеты на проезд до Владивостока, а также продуктовый паёк на десять дней. Мы радостно стали собираться в дорогу, не догадываясь, какие трудности ждут нас впереди.

Железные дороги в Белоруссии были разрушены во время войны, и поезда формировались в Киеве, где уже началось восстановление народного хозяйства. Несколько дней мы добирались до Киева: где пешком, где на попутной машине, чаще — на подводе.

Киевский вокзал зиял дырами, особенно главный зал. В огромном отверстии потолка двигались облака и сияло солнце. Все помещения вокзала были забиты людьми: бородатые мужики с мешками, женщины с детьми и чемоданами, покалеченные офицеры и солдаты. Мы кое-как нашли себе местечко у стены. Уставшая мама с трудом сняла с плеч связанные вместе мешок и чемодан, поставила на пол. Мы все вместе сели на них. Эдик сразу уснул на маминых коленях. Ему было всего три с половиной года — слабенький, на кривых ножках, он быстро уставал.

Мама стала разговаривать о чём-то с соседкой, а я принялась рассматривать людей в зале. Зрелище было живописным и странным. Основная масса людей была одета в старую потрёпанную одежду. На ногах — сапоги, туфли, лапти. Многие из них — не по размеру или разношенные. На детях — взрослая одежда: женские кофты и блузки, подвязанные поясками или верёвками.

Разглядела я и несколько женщин, одетых почти как немки: шёлковые платья, туфли на каблуках, на голове — шляпки. Рядом с ними находились офицеры или хорошо одетые штатские. Чувствовалось, что вся эта группа пыталась отодвинуться от общей массы людей и брезгливо смотрела по сторонам.

Но меня больше заинтересовал солдат в тёмных очках с тросточкой в руках. У его ног сидела немецкая овчарка, которую он держал за поводок. Я напряглась, потому что не любила овчарок — они напоминали мне лагерь. С недоумением я смотрела на солдата: зачем ему нужна собака? Да ещё немецкая. Солдат нежно гладил её по шерсти, а она преданно смотрела на него и виляла хвостом. Когда он поднялся и пошёл, держа в руке поводок, я поняла: он — слепой, а собака — его поводырь.

Глядя вслед медленно уходящему солдату, я задумалась: значит, немецкие овчарки могут быть добрыми. Вспомнила и ту овчарку в нашем лагере, которая пожалела меня и «разрешила» есть из её чашки. И дала себе слово, что когда мы вернёмся домой, преодолею страх и подружусь с какой-нибудь собачкой.

Тут подошла мама и сказала, что нам срочно нужно идти на платформу к поезду. Из беседы с соседкой она узнала, что на поезд попасть очень трудно, даже с билетами. Желающих уехать много, а поезда идут редко. Мы двинулись к платформам. Я побежала вперёд, чтобы выяснить, где находится наш поезд. Неразбериха была полнейшая. Никто не мог объяснить толком, где он находится.

Я увидела какого-то важного человека в железнодорожной форме, который наблюдал за суматохой и качал головой. Подошла к нему вплотную, сильно дёрнула за китель. Он посмотрел на меня и нахмурился.

— Дяденька, миленький! Мы едем из плена домой. Моя мама и маленький братик совсем больные. Нам нужно на Дальний Восток. Я боюсь, что они умрут. А мы не можем уехать, — зашептала я.

— Ну что, белёсая, где мама с братом? — повернулся мужчина ко мне.

— Вон, еле идут, — радостно ухватила я его за руку. — Но я не белёсая, я седая. Меня в гестапо били.

Он посмотрел на меня, пощупал мои шрамы: «Господи, что натворила эта война!» Затем подхватил мамины вещи и быстро повёл нас к стоящим в тупике вагонам.

В этот момент я увидела, как сквозь толпу выбирается слепой солдат с собакой.

— Дяденька! Там слепой солдат с собакой тоже не может попасть на поезд. Возьмите его с нами. Пожалуйста! Жалко его, — запричитала я.

Наш спаситель сурово посмотрел на меня, потом махнул рукой: «Веди!»

Я подбежала к слепому солдату и шепнула на ухо: «Идёмте с нами, нас посадят на поезд». Он нервно ухватил мою руку, и мы двинулись за мужчиной в форме, который провёл нас к тупику.

Мы перешли рельсы и оказались с другой стороны поезда. Наш провожатый постучал в дверь вагона.

— Что, Семёныч, опять кого-то пожалел? — возмущённо сказала выглянувшая из окна женщина. — Сейчас полстраны убогих, всех не пожалеешь!

Мужчина в форме смущённо потоптался.

— Ты посмотри — семья из концлагеря. Еле живые. Солдат слепой. Как они заберутся в вагон?

— Ладно уж, как-нибудь пристрою, — махнула женщина рукой. — Хотя бы билеты есть у вас?

Мама закивала головой, а солдат протянул женщине билет.

— Вот это хорошо! Значит, посажу в вагон на законных основаниях, — сказала она.

Женщина широко открыла дверь. Я помогла братику взобраться по ступенькам вагона. Обернувшись, увидела, как мама попыталась что-то вручить Семёнычу. Тот замахал руками и быстро ушёл. Собака подвела солдата к мешку и чемодану, оставшимся на перроне. Он поднял их и следом за собакой медленно двинулся к вагону. Проводница приняла вещи. Солдат помог моей маме подняться по ступенькам и только потом сам вместе с собакой запрыгнул в вагон.

Проводница ввела нас в первое купе, принесла один старенький матрас и три замызганных одеяла. Я со страхом посмотрела на них: почти как в нашем лагерном бараке! Проводница сказала, что закроет нас на ключ, откроет только после отправки поезда. Она предупредила, что в поездах сильно воруют, надо быть осторожными, никому не доверять свои вещи. Солдат выпустил собаку из вагона, чтобы она сделала свои дела. Мы все по очереди сходили в туалет, после чего проводница закрыла нас в купе.

Я с Эдиком улеглась на нижней полке, солдат взобрался на верхнюю, а мама заняла вторую нижнюю полку. Мы все были такие уставшие, что сразу уснули. Через какое-то время дверь купе открылась, и проводница ввела ещё одного военного. На погонах я рассмотрела четыре звёздочки. Мама шепнула мне: «Майор». Вошедший с трудом снял шинель. Мы увидели, что

его правая рука перевязана от локтя до кисти. Но как-то странно выглядела. Присмотревшись, я поняла: она короче левой руки! А это означало, что он не сможет подняться на свободную вторую полку.

Я разбудила Эдика, попросила его подняться на вторую полку, но он спросонья не понял и начал хныкать. Мама молча встала и быстро взобралась на вторую полку. Майор горячо поблагодарил и стал устраиваться на ночлег. Ему никак не удавалось пристроить раненую руку. Мама подала широкий пояс от платья и посоветовала привязать руку к полке. Понимая, что одной рукой майор не сможет это сделать, я взяла мамин пояс и осторожно привязала забинтованную руку к полке. Майор облегчённо вздохнул. Я укрыла его шинелью.

В этот момент поезд двинулся в сторону вокзала для посадки пассажиров. В купе заглянула проводница и предупредила, чтобы мы до отхода поезда никому не открывали дверь, а в туалет выходили во время движения поезда и дверь купе открывали на тройной стук.

Во время посадки люди брали вагоны штурмом. Ругань, шум, топот ног. Нашу дверь постоянно дёргали, кричали. Мы вздрагивали, но молчали. Примерно через час всё затихло.

Наконец и мы уснули. Собака слепого солдата всё это время крутилась около офицера, тихо повизгивая и, когда он улёгся, даже лизнула в лицо. Он погладил собаку и чётко сказал: «Место». Она послушно легла в угол. В купе снова наступила тишина.

Сутки мы ехали вместе. У нас уже кончились продукты и военные нас подкармливали из своих пайков. Офицер рассказывал, что его семья погибла при бомбёжке Киева, что он едет к своим родителям в Астрахань. У них хороший дом и небольшое подсобное хозяйство.

— Я крепкий здоровый мужчина. Научусь работать левой рукой, буду помогать родителям. Ничего, не пропадём, голодать не придётся, — сказал он.

Я заметила, что при этом он поглядывал на мою маму, как будто всё это говорил для неё.

Рано утром на какой-то станции вышел слепой солдат с собакой. Он оставил нам часть своего пайка. После его ухода в купе вошли сразу трое: женщина и двое мужчин. Женщина заняла освободившуюся полку, а мужчины взобрались на места, предназначенные для багажа, и сразу захрапели.

Офицер тихо разговаривал с мамой. Я поняла, что он уговаривает её поехать с ним в Астрахань.

— У меня есть муж и дом. Я должна вернуться во Владивосток, — отказывалась она.

Если бы она знала, какие испытания ждут нас впереди, может, и поехала бы с ним. Когда поезд подъезжал к Астрахани, офицер ещё раз попытался уговорить маму пойти с ним, но она опять отказалась. Перед выходом военный оставил нам всё съестное. Потом, грустно взглянув на нас, вышел.

Дальнейший путь на восток запомнился тем, что пассажиры в нашем купе постоянно менялись. Были заняты не только все шесть полков, но частенько люди спали прямо на полу купе. Мешки, кошёлки, старые потёртые чемоданы. Курильщики — и мужчины, и женщины — курили прямо в проходе вагона. Крики, ругань, слёзы, брань. Душно, смрадно. Воняло махоркой, потом, невымытыми телами.

Поезд двигался медленно. Вагоны тащил старенький паровозик, который нещадно дымил, и сажа летела в лицо высунувшимся из окна пассажирам. Иногда поезд подолгу стоял в поле. Было тёплое лето. Пассажиры выходили из вагонов подышать

чистым воздухом, полежать на траве. Если поезд останавливался около речки или водоёма, то многие бросались в воду помыться.

Продукты, оставленные нам военными, закончились. Изредка наши спутники по купе угощали нас чем-нибудь. В благодарность Эдик пел какую-нибудь жалобную песню. У него был красивый голосок. И пел он так жалобно, что сидящие в купе вытирали слёзы. Однажды, когда совсем стало голодно, мама сказала мне: «Сходи с Эдиком в другой вагон. Пусть он споёт песенку, может, чем-нибудь угостят».

И мы пошли в соседний вагон. Эдик спел одну песню, вторую. Люди смотрели на нас и молчали. Вдруг Эдик заплакал и тихо сказал: «Больше не могу петь, я кушать хочу». Одна женщина подала две варёные картофелины, какой-то мужичок в лаптях протянул ржаную лепёшку. Люди зашевелились, стали шарить в своих котомках. Я подходила к тем, кто протягивал руку, и в подоле моего платья появлялись кусочки хлеба, сушёная рыбёшка, яйцо, морковка, яблоко. Я всем говорила: «Спасибо, спасибо!» Заметив, что никто уже не подаёт, я взяла за руку брата, и мы побежали в свой вагон.

Мама всплеснула руками, когда я выложила содержимое подола. Сначала она улыбнулась, а потом обняла нас и расплакалась: «Господи! Что за времена! Мои дети вынуждены побираться».

— Мамочка, не плачь! Мне не тяжело, завтра я опять пойду петь, — говорил Эдик, вытирая ей слёзы.

Как бы мы ни экономили, через три дня всё съели. И мы снова пошли по вагонам. Мама соорудила мне из головного платка мешочек, пришила к нему верёвку и надела его мне через плечо.

Нам не всегда везло. Иногда люди отворачивались и ничего не давали, иногда прогоняли. Но всё-таки чаще выслушивали

песню и подавали. Вид у нас с братом был жалкий. Я — маленькая, худенькая, со шрамом на лице и седыми волосам. Эдик — на рахитичных ножках и сильно заикающийся.

Наступил август, но было холодно. А мы одеты не по погоде. Одна сердобольная женщина дала мне шерстяную кофту, а брату пальтишко. Кофта оказалась большой, но в ней было тепло и уютно. Мы с мамой её по очереди надевали.

Хорошо запомнился такой случай. Однажды поезд остановился вблизи колхозного поля, засеянного картофелем. Пассажиры выскочили из вагонов и стали выкапывать картофель: кто руками, кто совком или даже палкой. Потом складывали в котелки, карманы, шапки, платки. В этот момент засвистел паровоз, и все кинулись к вагонам. И очень вовремя! Мы увидели, как со стороны деревни бежали люди с вилами и палками. Поезд набирал скорость, и толпа отстала. Следующая остановка поезда случилась в перелеске. Все кинулись собирать хворост и сучья, разжигать костры. В образовавшийся горячий уголь бросали картошку. Поезд простоял довольно долго. И люди досыта наелись картошки, в том числе и наша семья.

Глава вторая

ИРКУТСК

В начале сентября наш поезд прибыл в Иркутск. Проверки документов в пути случались и ранее, но выборочно. А женщин с детьми, как правило, не проверяли. Но почему-то именно в этом городе у пассажиров наиболее тщательно проверяли документы. Наш поезд загнали в тупик. В вагоны вошли солдаты и у всех поголовно требовали показать документы. Один из солдат взял у мамы паспорт, глянул только на первую страницу и закрыл его. Затем спросил, куда мы едем. Услышав, что во Владивосток, снова открыл паспорт и пролистал его. Выяснилось, что для въезда во Владивосток необходимо разрешение, так как весь Дальний Восток — это закрытая зона из-за войны с Японией. Такого разрешения у нас не было. Несмотря на слёзы и мольбы моей мамы, нас высадили из поезда.

И вот мы сидим на вокзале в чужом городе. Одни в набитом людьми зале ожидания. Куда податься? Что делать? К кому обратиться за помощью? Мама куда-то ходила, кого-то просила о помощи. И каждый раз возвращалась в слезах.

На третий день мама пришла с какой-то женщиной и сказала, что женщину зовут Василиса. И она предложила временно пожить в пустующем доме. Василиса подхватила наши вещи, и мы двинулись к выходу. Я хорошо запомнила наш путь,

который потом я проделывала почти каждый день в течение нескольких месяцев. Мы прошли мост через Ангару, с трудом одолели глубокий овраг. За ним стояло несколько деревянных домов.

Василиса привела нас к одному из этих домов. Поднявшись по ступенькам крыльца, миновали сени. Затем, открыв вторую дверь, вошли внутрь. Пахнуло нежилым духом, плесенью. Повсюду виднелась паутина. Дом состоял из кухни и небольшой комнаты. В кухне громоздилась большая русская печь, задняя стена которой выходила в жилую комнату. На кухне, вдоль стены, были сооружены широкие лавки. Стоял большой, грубо сколоченный стол. На прибитых к стене полках выстроились в ряд чугунки, миски, ложки, большой черпак. В углу кухни виднелся довольно вместительный ларь.

Мы заглянули в комнату. Там стояли высокий шкаф, похожий на комод, и железная кровать. На ней — набитый сеном матрас, старое одеяло и длинная жёсткая подушка. Мы не спали почти три дня, поэтому сразу взобрались на кровать и, прижавшись друг к другу, задремали. Проснулись от запаха пищи. В доме чувствовалось тепло. Это Василиса растопила печь и сварила кашу. Пока мы ели кашу, Василиса рассказала историю дома.

Хозяева этого дома ещё весной поехали в ближайший колхоз прикупить семенной картофель в обмен на вещи. Перед отъездом они отдали Василисе ключи от дома, чтобы она приглядывала за ним. Прошло полгода, но они так и не вернулись, сгинули где-то. Что с ними случилось — никто не знает. Увидев на вокзале нашу горько плачущую маму и выслушав её рассказ о наших мытарствах, Василиса решила помочь нам. Она сказала, что в доме есть кое-какие припасы: в ларе — крупы и мука, в подвале — овощи. На первое время хватит.

Мама написала письма всем родственникам во Владивосток с просьбой прислать приглашение. Она надеялась быстро получить ответ. Увы! В Иркутске мы застряли до весны. Реальность оказалась более жестокой. Ужасную зиму мы прожили в этом городе. Быстро наступили холода, тёплой одежды не было. Несмотря на строжайшую экономию, к декабрю продукты и топливо закончились. Мама пыталась устроиться на какую-нибудь работу, но ей везде отказывали из-за отсутствия прописки в Иркутске. Для прописки в том доме, где мы жили, необходимо было согласие хозяев дома. А они отсутствовали. И мама боялась обращаться в милицию за пропиской, ведь её могли заподозрить в исчезновении хозяев дома.

На помощь пришла наша соседка Василиса. Она предложила маме продавать на базаре самодельные конфеты. После войны в стране не хватало сахара, соли, спичек, масла, мыла и многого другого. Все продукты, одежду, хозяйственные вещи продавали по талонам. А талоны выдавали тем, кто работал, или вернувшимся с войны солдатам и офицерам.

У нас в чемодане лежало несколько отрезков шёлка, которые мы набрали из вагонов в Гёттингене после освобождения из плена. Мама продала на базаре один отрез за 200 рублей. Этих денег хватило на килограмм конфет. Посчитав конфеты и узнав их стоимость на базаре, мама поняла, что затратив на покупку 200 рублей, она может выручить 260–270 рублей.

Чтобы конфеты не растаяли, мама положила их на подоконник, ближе к замёрзшим окнам. Утром она увидела, что все конфеты надкусаны, и сразу поняла, кто это сделал: Эдик очень любил сладкое. А я была равнодушна к нему.

— Это ты ел конфеты? — закричала мама, резко дёрнув сына за руку.

— Нет, я их не ел, — заплакал Эдик. — Только попробовал.

Мама хотела его ударить, но лишь горько расплакалась. Она села на табуретку и печально опустила голову: надкусанные конфеты никто не купит.

— Мамочка, я больше никогда не буду откусывать конфеты. Честное слово! — зарыдал Эдик, уткнувшись маме в колени. — Давай склеим их и продадим.

Мы с мамой размягчили конфеты и придали им другую форму. Конфеты получились неказистыми. Продали их всего на 199 рублей.

Надо было как-то жить. И мама снова собралась на рынок — она положила в чемодан отрезы тканей. Соседка предупредила, чтобы она была осторожна.

— Не вытаскивай сразу несколько отрезков — тут же украдут. Выкладывай по одному. От чемодана не отходи. Лучше сядь на него, — наставляла маму соседка.

Тогда все жили в страхе. После войны в стране увеличилось количество краж, грабежей и убийств. Особенно это процветало на рынках. Оружия по стране гуляло много. Некоторые бывшие солдаты и офицеры, привыкшие за годы войны к оружию и отвыкшие работать, создавали банды и вовлекали в них криминальные элементы, а также детей-сирот.

Мама сделала так, как научила её соседка: вытащила три отреза и села на чемодан. Она успела продать два отреза, когда к ней подошёл офицер и стал рассматривать отрез ткани и прицениваться. Вдруг подбежал мальчишка, выхватил отрез из рук офицера и побежал. Мама вскочила с чемодана и побежала за ним. Проказник бежал не так быстро, и мама догнала мальчишку. Он спокойно отдал отрез и исчез в толпе. Когда она вернулась на своё место, ни офицера, ни чемодана уже не было. Домой она пришла вся в слезах, продрогшая, ведь на ней было лёгкое пальтишко.

Вскоре Василиса ещё раз рискнула привлечь нашу маму к торговле. Она предложила продавать сахарин (искусственный заменитель сахара) и вечером принесла несколько пакетиков для продажи. Утром в пальтишке и туфельках, закутавшись в старый платок, мама ушла на рынок продавать сахарин. От холода она не могла стоять на месте, бегала по рынку и кричала: «Кому сахаринчику! Кому сахаринчику!» Сахарин покупали плохо. Два дня она ходила на рынок, а на третий свалилась с высокой температурой. Она бредила, кричала: «Ничего не знаю! Неправда! Где мои дети?» Василиса принесла какие-то травы, сделала отвар. Я поила этим отваром маму. Температура спала, она пришла в себя, но была слаба и нуждалась в еде и тепле. В доме остались только сухари в небольшом мешочке, немного угля, но не было спичек и щепок для растопки.

Улица, на которой стоял наш дом, спускалась круто вниз, к центральной улице города. Как рассказывала Василиса, на этой улице были разные магазины. В одном из них продавали булочки без талонов. Там можно купить булочки за 7 рублей, а на вокзале продать за 10 рублей. Я поняла, что мне нужно делать. Утром я встала пораньше, когда мама с Эдиком ещё спали, взяла деньги, которые мама выручила за два шёлковых отреза, и пошла в магазин. И не просто пошла, а побежала, потому что на улице был сильный мороз. Около магазина стояли люди. Я заняла место в хвосте очереди. Люди всё прибывали, и вскоре хвост очереди змейкой протянулся за угол.

Было очень холодно. Я подпрыгивала на месте, стучала ногами и махала руками. Наконец решила выйти из очереди и где-нибудь погреться. Стоявшая впереди меня женщина поняла моё намерение, придержала рукой и прошептала: «Не выходи, иначе твоё место сразу займут и больше не пустят. Лучше обними меня и прижмись». Я так и сделала. А другая женщина

прикрыла мои плечи концами своего платка. Когда мы вошли в магазин, одна из женщин спросила, где я живу. Я объяснила. Она заулыбалась и сказала: «Ой, как хорошо! Всего два дома от меня. Заходи, я тебе валеночки подарю».

В одни руки продавали не более трёх булочек. Этого было мало. На разницу в девять рублей можно было купить разве что кучку мелких дровишек на растопку. Я стояла в магазине и думала, что мне делать дальше. Встать снова в длинную очередь я была не в силах — сильно промёрзла. Пока думала, ко мне подошли женщины, которые обогрели меня в очереди. Женщина, обещавшая валеночки, сказала: «Идёмте ко мне. Кипяточек попьём, согреемся».

Она действительно жила недалеко от нашего дома. В доме чувствовалось тепло. Я сразу подошла к русской печке и прислонилась к ней всем телом. Хозяйка дома достала из печи котелок горячей воды, из которого пахло травами, разлила по железным кружкам и посыпала в них по щепотке сахарина. Мы сели за стол, обняли руками горячие кружки и вдохнули ароматный запах.

— Ну, давайте знакомиться. Меня зовут Настя, — сказала хозяйка дома. — Работаю в госпитале. Через два часа должна вернуться туда.

— Я — Клава, работаю на заводе. Сегодня мне в ночную смену, — откликнулась вторая женщина. — А ты, девчушка, кто? — повернулась она ко мне. — Где твоя мама?

— Я — Лиля, — ответила я. И очень коротко рассказала о наших злоключениях и о том, что хотела продать булочки, чтобы на разницу купить еду и уголь для печки. Но трёх булочек для этого мало.

Обе женщины повздыхали: «Господи! Какое горе принесла эта война! Сколько искалечено судеб!»

Настя вышла в другую комнату. Вернувшись, она подала мне валенки, пальто и тёплый платок. Всё это было мне великовато, но я так обрадовалась, что прижалась к женщине и обняла её.

— Это одежда моей дочери. Два года назад она умерла от воспаления лёгких, — сказала она.

На глазах у женщины навернулись слёзы. Мне стало жаль её. И я опять прижалась к ней. Вспомнив, что мама с Эдиком могли уже проснуться, засобиравшись домой.

— Ещё рано, посиди с нами, — в один голос сказали женщины.

— Нет, не могу. Надо ещё продать булочки на вокзале. Дома холодно и нет еды, — ответила я.

Женщины проводили меня до ворот и отдали мне по две булочки, даже не взяв деньги за них. Тётя Настя сунула мне в карман свёрток и сказала: «Ты вечером забеги ко мне, я поищу какую-нибудь одежду для вас». Так в чужом городе я подружилась с хорошими добрыми женщинами, которые потом не раз помогали нашей семье.

Уже рассвело, и я осмелилась сократить путь, пройдя до вокзала через опасный овраг. Мне повезло: вскоре подошёл поезд, и мои булочки быстро раскупили. Рядом с вокзалом был небольшой рынок. Я купила там немного угля, щепок на растопку и кусок замороженного молока. Хозяева коров надоенное молоко разливали по алюминиевым тарелкам и выставляли в сарай на мороз. Потом замёрзшее молоко складывали в мешки. И в таком виде продавали на рынке.

Когда я прибежала домой, мама с Эдиком спали в кровати, накрытые разным тряпьем. Я быстро затопила печь. Когда угли разгорелись, положила в кастрюльку замороженное молоко и поставила её к огню. Тепло пошло по дому. Первым зашевелился Эдик.

— Ты принесла что-нибудь покушать? — высунув голову из-под кучи тряпья, спросил он.

— Подожди немножко. Сейчас молоко растает — и мы поедим, — ответила я.

Раздеваясь, я нащупала в кармане пальто свёрток. Вытащила его и развернула: там были сухари и три картофелины. Я обрадовалась: сейчас мы поедим молоко с сухарями, а вечером картошку. Запахло растопленным молоком. Я вытащила кастрюльку из печи, налила тёплое молоко в деревянную миску и положила туда сухари. Мама с Эдиком сели за стол, и мы втроём медленно ели, наслаждаясь вкусом молока с сухарями.

Мама была ещё очень слаба. Она еле добралась до кровати, рядом с нею лёг Эдик. Я устроилась в ногах. Но тут вспомнила, что видела в овраге какие-то дощечки и палки. Нужно было их собрать, чтобы поддерживать огонь в печи. Я надела пальто, валенки, шаль. Повесила через плечо торбу и направилась к оврагу.

Я так увлеклась собиранием палочек и дощечек, что не заметила, как дошла до густых зарослей кустарников в овраге. Это было место, куда бандиты частенько прятали трупы убитых ими людей, поэтому овраг пользовался дурной славой. И его старались обходить стороной.

Я уже собиралась ретироваться с опасного места, как вдруг увидела за кустом, на куче хвороста, скрюченную фигуру женщины. Я не испугалась — насмотрелась на мёртвых во время войны. И повернулась, чтобы уйти. Но мне показалось, что фигура зашевелилась. Подошла поближе, взгляделась. Это была молодая девушка. Я потрогала её. Она вздрогнула, с трудом открыла глаза и снова закрыла. Девушка лежала, согнувшись, будто пыталась согреться. Я накрыла её своим платком, забросала

ветками, чтобы никто не нашёл, и тихо сказала: «Иду в милицию, жди».

Милиция находилась в здании вокзала. Вбежав в комнату милиции, я с порога закричала: «Там в овраге девушка, она ещё живая!» Милиционеры вскочили: «Где она? Показывай дорогу!» Они взяли с собой пистолеты, и мы бегом двинулись к оврагу. Девушка лежала на том же месте. Милиционеры растянули плащ-палатку, положили на неё девушку и понесли.

— Спасибо тебе! Как тебя зовут? Где ты живёшь? — обратился ко мне один из милиционеров.

Наш дом стоял у оврага, и я показала на него пальцем.

— Ну, беги по своим делам. Когда нужно будет, мы тебя позовём, — сказал он.

Выбравшись из оврага, я обернулась: милиционер осматривал место, где лежала девушка, и переворачивал ветки кустарника. Зачем он это делает, я тогда не понимала.

На другой день, рано утром, я опять пошла в магазин за булочками. Тепло одетая, я смогла выстоять три очереди. И снова побежала на вокзал. Выручка на этот раз была больше, и я купила ещё кулёк сухарей. Днём к нам пришёл тот самый милиционер, который спрашивал, где я живу. Он был не один, вместе с ним зашла женщина. Мама с Эдиком лежали в постели, я сидела на кухне и читала книгу.

— Лиля, познакомься, — сказал милиционер. — Это мать той девушки, которую ты нашла в кустах. Мы отвезли её в больницу. Она жива, но в тяжёлом состоянии. Врачи сказали, что у девушки переломы и воспаление лёгких, но её можно вылечить. Мать девушки очень хотела познакомиться с тобой и поблагодарить за спасение дочери.

Женщина села рядом со мной на лавку, обняла за плечи и сквозь слёзы сказала:

— Меня зовут тётя Вера. Моя дочь Алёна рано утром пошла на работу, у неё была большая сумка с постиранной спецовкой. Бандиты ударили её чем-то по ногам, схватили сумку и убежали. Дочка доползла до кустов и укрылась ветками. Очень боялась, что они могут вернуться и добить её. Она замёрзла и не помнит, как её нашли, кто доставил в больницу.

Из комнаты вышла моя мама — худая, бледная. Она с трудом дошла до лавки, села и удивлённо спросила, что случилось.

— Я майор Котов, служу следователем в милиции, — представился милиционер и рассказал историю с девушкой. — У вас хорошая девочка, смелая и сообразительная! Не испугалась, прибежала в милицию, чем спасла жизнь человеку.

— Лиля такое перенесла во время войны, что уже ничего не боится и понимает ценность человеческой жизни, — сказала мама. Она коротко поведала нашу военную историю.

— Да, много вы пережили. На днях к вам зайду, и мы ещё поговорим. А сейчас должен вернуться на работу, — сказал милиционер и вышел.

Тётя Вера рассказала, что работает в офицерской столовой посудомойкой.

— Хочу чем-то помочь вам. Попрошу заведующего столовой, чтобы он разрешил Лиле собирать с тарелок остатки пищи и хлеба.

Уходя, она сказала, чтобы я пришла после обеда, в два часа. Она будет ждать меня у служебного входа.

Утром я, как всегда, выстояла в очереди за булочками. Продав их на вокзале, побежала на базар, купила молоко, растопку, уголь. Дома затопила печь, согрела молоко. Мы поели тюрю из молока и сухарей. Я немного поспала. Потом, прихватив с собою торбу и бидон, побежала на вокзал. Нашла свободное местечко у стены напротив больших настенных часов. Стрелки

показывали 12 часов. Я задремала. Проснулась от громкого гудка. Это был заводской гудок, извещавший время обеда. В сороковые годы прошлого столетия редко у кого были часы в доме. Люди ориентировались по заводским гудкам.

Я посмотрела на часы: час дня, через полчаса можно идти. Я сидела и размышляла: заводской гудок слышен и в нашем доме, значит, в следующий раз можно идти в столовую прямо из дома. На часах — 1 час 30 минут. Двинулась к выходу. Через несколько минут стояла около столовой. Это было одноэтажное деревянное здание барачного типа. Я наблюдала, как входили и выходили военные.

Когда поток людей иссяк, побежала к задней двери столовой. Через несколько минут выглянула тётя Вера, схватила меня за руку и втощила внутрь, приложив палец к губам. Мы зашли в пустой зал, посетителей уже не было.

— Быстро собирай всё, что осталось в тарелках! — проговорила тётя Вера.

В торбу я складывала куски хлеба, а в бидон сливала суп, кашу. Изредка попадались недоеденные котлеты.

Скоро бидон и торба наполнились. Тётя Вера сказала, что мне пора уходить.

— А помогать вам? — спросила я.

— Не надо! Никто не знает, что ты здесь. Посторонним сюда заходить нельзя, — сказала она и повела меня к выходу. — Лучше приходи после двух часов.

— Большое спасибо! — прошептала я и радостно побежала домой.

В тот день мы впервые и пообедали, и поужинали, и даже на утро оставили.

В течение многих дней я вставала утром рано, по три раза занимала очередь за булочками, бежала на вокзал и продавала

их. Потом на рынке делала покупки, дома топила печь и готовила тюрю. Передохнув немного, шла в офицерскую столовую собирать остатки пищи. И так по кругу. За это время в доме стало тепло, появилась еда. Я поила маму отварами трав, которые приносила тётя Вера, и она стала поправляться. Эдик повеселел, начал выходить на улицу играть.

Но однажды на вокзале во время продажи булочек меня задержал милиционер и привёл в милицию для составления протокола. На моё счастье, в дежурную часть зашёл майор Котов.

— Лиля, почему ты здесь? Опять что-то случилось? — воскликнул он, увидев меня.

— Девочка торговала на вокзале булочками, — отрапортовал дежурный.

— И много было булочек?

— Две.

Майор посмотрел на меня и сказал:

— На две можно не составлять. Я сам с нею поговорю.

И повёл меня в другую комнату.

— Ты разве не знаешь, что торговать булочками нельзя?

— Почему? — спросила я.

— Это спекуляция, — ответил Котов.

— А что такое спекуляция?

— Ты покупаешь по государственной цене, а продаёшь дороже.

— Но я трудилась: рано вставала, стояла долгие часы в длинной очереди, мёрзла на вокзале! Разве я не заработала? У нас нет денег. Братик маленький. Мама тяжело болела, а сейчас не может найти работу. Как нам жить? — недоумевала я.

— Закон запрещает, — помолчал, сказал Котов.

— Какой плохой закон! — воскликнула я.

— Ты по-детски права, — усмехнулся он. — Но закон есть закон. И его нужно соблюдать, иначе в стране будет анархия. Ладно, бери свои булочки и беги домой. Но больше не торгуй, иначе твою маму посадят в тюрьму. Поняла?

Я кивнула.

— И скажи своей маме, что я сегодня зайду к вам.

Я прибежала домой и всё рассказала маме. Она почему-то очень перепугалась и заплакала: «Он посадит меня в тюрьму, а тебя с Эдиком отдаст в детдом». Уже был вечер, когда пришёл Котов. Он принёс буханку хлеба и пачку маргарина. Мы с Эдиком сидели за столом в углу комнаты, поближе к печке, смотрели на хлеб и маргарин. Мы ни разу не пробовали маргарин и даже не знали, что это такое.

Котов, видимо, понял наше замешательство. Он подошёл к столу, отрезал четыре кусочка хлеба, намазал их маргарином и поставил тарелку перед нами. Я вопросительно посмотрела на маму, она кивнула головой. Пока мы с братом с наслаждением уплетали бутерброды, Котов в другом конце кухни о чём-то тихо разговаривал с нашей мамой. Вскоре он ушёл. Мама подсела к столу и тоже съела два кусочка хлеба с маргарином. Остальное мы оставили на завтра.

На другой день утром мама надела мою тёплую кофту и платок, которые мне подарили в поезде, своё тоненькое пальто, туфли и куда-то ушла. После разговора в милиции о спекуляции я не решилась идти в магазин за булочками. Но в обед, как всегда, побежала в офицерскую столовую, принесла бидон еды и несколько кусков хлеба. В доме было холодно. От вчерашней продажи булочек у меня осталось немного денег, но я боялась их тратить без совета мамы.

Вскоре она пришла. Вся замёрзшая, но улыбающаяся. Обняла меня и Эдика и рассказала, что Котов устроил её на работу

в какую-то контору уборщицей. Она будет получать зарплату и талоны на продукты и топливо. Кроме того, он посоветовал ей срочно сообщить родственникам о своём местонахождении и просить их выслать в Иркутск официальное разрешение на въезд на Дальний Восток. В одном из шкафов мы нашли старенькую ученическую тетрадь и химический карандаш (им можно было писать, макая в воду или слюнявя во рту). Мама села писать письма. Я в тот же день сбегала на почту и опустила их в почтовый ящик.

По дороге домой встретила нашу соседку тётю Настю и рассказала, что моя мама нашла работу. Но у неё нет тёплой одежды, поэтому она снова может заболеть. Вечером соседка, добрая душа, принесла ватник и подшитые валенки. После войны ватник стал основным видом тёплой одежды. Были ещё ватные брюки. Эту одежду носили миллионы граждан Советского Союза: и мужчины, и женщины. Надев всё это, люди выглядели неуклюже и смешно. Но всем было не до красоты. Главное — было тепло.

Утром мама ушла на работу. И с этого дня нам стало легче жить, особенно мне: не нужно рано вставать и мёрзнуть в очереди. Первое время я ещё бегала в офицерскую столовую за едой. Как только мама приступила к работе, нам завезли немного дров и угля. Карточки выдавали на месяц. Мама работала по 10-12 часов в день, и мне самой приходилось бегать по магазинам и отоваривать карточки, топить печь, готовить еду, доставать воду из колодца, стирать одежду, ухаживать за братом. Но это были приятные хлопоты. Теперь не нужно мёрзнуть в очереди за булочками, собирать объёдки в офицерской столовой.

Несмотря на все эти заботы, я находила время для игр, ведь мне было всего девять лет! Я часто спускалась в овраг. Там было страшно, но интересно. Всегда можно было что-то

полезное найти. Однажды я наткнулась на два конька: у одного закруглённый нос, у второго — острый. Меня это не смутило, и я взяла их. Никогда ещё я не каталась на коньках, но видела, как мчались на них иркутские ребята.

Дома привязала коньки верёвками к валенкам. Кое-как выбравшись на улицу, попыталась прокатиться, но тут же упала лицом в снег. Поднялась, сделала несколько шагов и снова рухнула. И так в течение долгого времени. Наконец мои ноги стали скользить. Я ещё немного прокатилась, но почувствовала сильную усталость. Села на снег, размотала верёвки. Еле передвигая ноги, повернула домой. На другой день снова пристроила коньки на валенки и вышла на улицу. На этот раз падала меньше, но всё-таки снова выбилась из сил — сказывались жизнь в плену и постоянное недоедание.

Эдик тоже хотел кататься на коньках, но ему было всего четыре года. Маленький, худенький, он даже стоять на коньках не смог. Купить санки мы не могли, так как у нас не было денег. И я придумала развлечение для нас двоих. Нашла фанерку, облила её водой и выставила на мороз. Образовавшаяся ледяная корочка позволяла легко скользить по снегу. Я садилась на фанерку, Эдика брала на колени, отталкивалась руками — и мы лихо съезжали в овраг. Сначала брат кричал и плакал, но со временем привык. Он даже решился съехать один, но уткнулся головой в сугроб и расплакался. Я же продолжала настойчиво сажать его одного на фанерку и подталкивала вниз. Спустя несколько дней брат стал садиться на фанерку самостоятельно. На скорости он катился вниз и даже не плакал, если врезался в сугроб.

Мне очень хотелось иметь куклу, но о покупке не могло быть и речи. Рано я поняла значимость денег в жизни людей, постоянную нехватку их в нашей семье и необходимость

жесточайшей экономии. Уяснила для себя одно: чтобы выжить в этих суровых реалиях, необходимо научиться многое создавать для себя своими руками. И потому никогда — ни в детстве, ни в юности, ни во взрослой жизни — не жаловалась на нехватку средств, не завидовала, не требовала помощи даже от родных. Жизнь приучила решать свои проблемы самостоятельно, не быть для кого-то обузой. И в данном случае я нашла выход.

Мне очень нравилось читать вывески на зданиях. Однажды, проходя по главной улице Иркутска, прочитала: «Пошивочная мастерская». Зашла, чтобы погреться. С интересом стала рассматривать в приёмной комнате манекены, готовую одежду, тюки с тканями. В дальнем углу комнаты заметила большую коробку, в которой лежали разные лоскуты. Подошла к женщине, сидящей за столом, и спросила разрешения взять несколько лоскутков. Женщина кивнула: «Только быстренько, чтобы никто не видел». Я набила свою торбу, которая всегда висела на моём плече, тряпками и довольная побежала домой.

Дома содержимое торбы высыпала прямо на пол и лихо-радочно стала изучать своё богатство. Лоскутков было много — разных расцветок и размеров. Подошёл Эдик и тоже стал рыться в куче лоскутков и радоваться вместе со мною. Я нашла за печкой две корзинки и разложила в них лоскутки. В одном из кухонных шкафчиков увидела железную банку, в которой были нитки с иголками. Несколько дней я потратила на то, чтобы научиться вдевать нитку в иголку. Потом пыталась сшить куклу, но у меня не получалось.

Тогда я пошла к нашей соседке Василисе за помощью. Она достала из сундука одетую в красивое платье куклу.

— Я сама шила для своей дочки, — сказала она. — Сейчас покажу, как сделать тело куклы.

Из полоски грубой ткани она скатала толстый рулон — это тело куклы. Потом сделала четыре маленьких рулона — это две руки и две ноги. Из ваты скатала плотный шарик, обшила его тонкой белой тканью и пришила к длинному рулону. К нему же с боков приладила два маленьких рулона — руки и ноги. На шарике нарисовала глаза, нос, губы. Получился человечек! Я затрепетала — хотелось самой такую сделать.

Прижав к груди двух кукол, помчалась домой. Вытащила корзинку с лоскутками и принялась экспериментировать. Эдик вертелся около меня и пытался помочь мне. Я пошла навстречу желаниям брата и сделала его своим подмастерьем: он подносил мне нужные лоскутки, подавал ножницы, нитки. Однако он хотел шить сам и требовал у меня иголку с ниткой. Но у него ничего не получалось, поэтому он покорно согласился быть помощником.

Мы с братом были неразлучны. У нас не было друзей, и мы всё время проводили вдвоём. Я, как старшая, командовала им, добывала пищу, решала, куда идти, что надеть, в какие игры играть. Он был слабенький, сильно заикался и стеснялся общаться с посторонними. Я любила брата, заботилась о нём, неистово защищала, если кто-то его обижал или дразнил. И в то же время сама могла его побить, если он что-нибудь натворит. Он так привык к моей опеке, что не мог обходиться без меня и всё делал так, как я ему говорила.

В конце зимы поступили ответы на мамины письма. Нам сообщили, что мама сестра Валя служит в Красной Армии и участвует в боевых действиях в войне с Японией, а мамин брат Леонид выехал в Удмуртию и живёт в Воткинске. Мама срочно отправила письмо в Удмуртию. Письма в то тяжёлое время шли долго. Лишь в марте до нас дошла весточка от дяди

Лёни. Он очень обрадовался, что мы живы, пригласил нас к себе в Воткинск.

Мы стали готовиться в дорогу. Главная забота: где найти деньги на поездку? Мама взялась за дополнительную работу, и я поздно вечером бежала помогать ей с уборкой чужих квартир. Кроме того, я опять начала продавать булочки на вокзале. Снова простаивала несколько часов в очереди, а потом шла по мосту через Ангару на вокзал.

Однажды на этом мосту я встретила Котова из привокзальной милиции.

— Куда бежишь? — остановил он меня.

Я остолбенела. А он заглянул в мою торбу.

— Ты опять спекулируешь? — закричал Котов. — Ты знаешь, что я с тобой сделаю? Утоплю в Ангаре вместе с твоей торбой!

Лицо у него было суровое. И я поверила, что действительно утопит. Сбивчиво стала объяснять, что нам нужны деньги на поездку к маминому брату в Удмуртию.

— Ладно, беги! — Котов отпустил мою руку. — Но если увижу тебя на вокзале — точно утоплю. Поняла?

Я бросилась к дому. Поздно вечером пришла мама и рассказала, что на работу к ней приходил Котов и спрашивал, куда мы собираемся уезжать и чем он может помочь. На другой день он предложил ей должность бухгалтера в отделе рабочего снабжения. Там зарплата выше. Но главное — кормили работников и выдавали набор продуктов для семьи бесплатно. Это обстоятельство помогло нам собрать небольшую сумму на проезд до Воткинска.

Была весна 1946 года. Наша семья снова на перроне вокзала. Мы уезжаем, но нам грустно. Прожив в Иркутске около восьми месяцев, у нас появилось много друзей, которые

бескорыстно помогали нам, чем могли. Как ни странно, нас провожало много людей. Были наши соседки тётя Василиса, тётя Настя, тётя Вера с дочерью, которую я нашла в кустах в овраге, и майор милиции Котов. Благодаря этим добрым людям наша семья выжила в чужом городе.

Война не только разделила жизнь советских людей на две половины — до войны и после. Она и людей поделила на две неравные части: малая часть наживалась на войне, а основная — прилагала невероятные усилия для победы над врагом, помогала друг другу выжить в тяжёлых военных и послевоенных условиях.

Глава третья

ВОТКИНСК

И вот мы в поезде. Вновь едем на запад. Почему-то плохо помню нашу поездку до Воткинска. Нас встречал мамин брат дядя Лёня. Слезы радости, объятия, поцелуи и вопросы, вопросы, вопросы. Перебивая друг друга рассказывали, что с нами произошло за годы вынужденной разлуки. Дядя Лёня часто повторял: «Нам сообщили, что всю семью расстреляли». Он рассказал, что развёлся с первой женой и женился второй раз. Его жену зовут Евгения, или просто Женя. Жили они в небольшом частном доме, где были кухня и две комнаты. Одну из них предоставили нам.

Помню, когда мы вошли в дом, жена маминого брата, увидев нас, всплеснула руками и запричитала: «Ой, какие вы худые и грязные! Немедленно идите в баню, я её протопила. Снимайте всю свою одежду и оставьте её в бане. Я потом постираю». Тётя Женя проводила нас во двор, где находилась небольшая банька.

Я поняла, почему она испугалась нашего вида. В иркутском доме, где мы жили, бани не было. Мылись в тазике, воду приходилось доставать из колодца. Мама болела, а я еле полведра могла донести. Трудно было достать мыло — приходилось покупать на рынке. Стоило оно дорого, а у нас не было

денег. Мы завшивели, началась чесотка, тело покрылось прыщами.

Тётя Женя приложила немало усилий, чтобы избавить нас от болезней и вшей. Меня, Эдика и маму обрили наголо. Всю одежду сожгли. Прыщи и чесотку лечили народными средствами: ставили в тазик и поливали солёной водой. И только на следующий день смывали соль чистой водой. И так в течение месяца. Тётя Женя поделилась своей одеждой с мамой, а детскую одежду дядя Лёня достал на каком-то складе. Всё было не по размеру, но на такие мелочи никто не обращал внимания. Было чем прикрыть тело!

Начались поиски работы для нашей мамы. До войны она получила высшее образование по специальности «экономика советской торговли», что в те годы было редким явлением. Но увидев в анкете запись о пребывании в плену, начальники всех уровней предлагали ей только работу уборщицы. Первое время мама пыталась доказывать, что она ничего преступного не совершила, иначе бы её отправили в Сибирь и не выдали бы советский паспорт. Но её никто не желал слушать. Объясняли, что советское правительство не доверяет бывшим пленным.

Мама приходила расстроенная, плакала и говорила: «За что? Почему мне не доверяют? Разве я могла сопротивляться вооружённым солдатам, имея на руках двух маленьких детей?» Она бралась за любую временную работу. Зарботки были небольшие, не хватало не только на одежду, но и на питание.

Тётя Женя постоянно ворчала, что мы сидим у них на шее, что наша мама не хочет работать. А ещё ей очень не нравилось, что дядя Лёня слишком много внимания уделяет нам, особенно нашей маме.

Дело в том, что мама и дядя Лёня с детства были очень дружны. Он был рад, что его сестра жива и приехала к нему со

своими детьми. Придя с работы и садясь ужинать, он всегда звал нас за стол. Потом заходил в нашу комнату поговорить с мамой, расспрашивал о наших мытарствах в оккупации и в плену. Часто брал гитару и начинал петь. Мама подпевала ему. Получался прекрасный дуэт. Дядя Лёня до войны считался лучшим гитаристом на Дальнем Востоке, даже получал награды. А у нашей мамы был сильный красивый голос. Они вместе участвовали в самодеятельности и выступали на концертных площадках. Тётя Женя не понимала этой дружбы и злилась. Она постоянно придиралась и ко мне, и к Эдику, и к нашей маме. А однажды даже затеяла с нею драку.

Вскоре мама объявила, что мы переезжаем на другой конец города, что ей предложили работу и жильё в подсобном хозяйстве отдела рабочего снабжения, который имел свой жилой фонд. Нам предоставили большую комнату в двухэтажном деревянном бараке. В комнате за небольшой перегородкой была печь, сложенная из кирпича и покрытая чугунной плитой с двумя круглыми отверстиями, на которые ставили кастрюли. Нам выдали две железные ржавые кровати, два ватных замызганных матраса и два стареньких ватных одеяла. Мы радовались, что у нас отдельная комната, что никто не будет с нами ругаться и называть нас дармоедами.

Подсобное хозяйство располагалось вблизи густого лесного массива. Я всегда любила природу и в первый же день пошла в лес. Лето было в разгаре. Лес предстал перед моими глазами во всей своей красе. Ярко-зелёные пышные кроны деревьев, цветущие кустарники. На земле пестрело не столь яркое, но очень трогательное цветное разнотравье. В траве увидела красные ягодки. Я вспомнила, что такие ягоды собирала в Брянске, но забыла, как они называются. Попробовала. Вкусно! Сорвала большой лист лопуха, насобирала в него много ягод

и побежала домой, чтобы угостить маму и брата. Мама сказала, что это земляника. А Эдик вообще ни разу не видел ягод. Он попробовал и стал жадно есть.

С тех пор я влюбилась в удмуртские леса. Познакомилась с бабушкой из нашего барака, которая часто ходила в лес. Каждое утро встречалась с нею, и мы вместе бродили по лесу. Бабушка оказалась очень интересным человеком. Она прекрасно знала лес, учила меня ориентироваться в нём, показывала различные травы и цветы, рассказывала, чем они полезны. Мы всегда что-то приносили из леса: ягоды, грибы, щавель, разные травы. А я обязательно собирала цветы. Травы и грибы сушили, ягоды съедали с хлебом. Цветы я ставила в стеклянные банки. Комната словно оживала, и настроение менялось в лучшую сторону.

Иногда я брала с собой Эдика. Он боялся заблудиться, боялся насекомых, особенно муравьёв и гусениц, и поэтому ходил за мною по пятам. Несколько раз встречали в лесу зайцев и лис. Однажды мы с братом набрали на большие заросли малины. Я собирала ягоды в корзину, а Эдик срывал и ел. Вдруг я услышала хруст веток и выглянула из-за кустов. Перед кустом малинника на задних лапах сидел здоровенный медведь. Он держал двумя лапами ветку с малиной и языком слизывал ягоды. Я пальцем поманила Эдика и показала на медведя. Он вскрикнул и зажмурился. Медведь повернул голову в нашу сторону и тихонько зарычал. Я схватила брата за руку, мы отбежали к другим кустам и затаились. Вокруг было тихо. Я снова выглянула из-за кустов: медведь продолжал спокойно слизывать ягоды. И тут у меня под ногами хрустнула ветка. Медведь повернул голову в нашу сторону и уже громче зарычал. Схватив брата, я помчалась с ним из леса. Эдик весь дрожал и плакал, у него усилилось заикание. После этого случая

он какое-то время не ходил в лес. Но ему было скучно сидеть дома, и он снова стал проситься со мной. И теперь постоянно держался за мою юбку.

На скотном дворе, в грязных помещениях с дырявыми крышами, содержались коровы, лошади, свиньи. Вид у животных был жалкий — кожа да кости. Не хватало кормов, рабочих, особенно сильных мужских рук. Присматривали за животными женщины да два старичка.

Мама поручили ухаживать за коровами. До сих пор удивляюсь, как моя мама, хрупкая, избалованная женщина, быстро научилась выполнять свои обязанности: она ловко убирала навоз, стелила солому, таскала сено, готовила бурду из овощей для скота. Я неоднократно наблюдала такую сцену: как только корова поднимала хвост, мама хватала большую лопату и подставляла её под хвост — коровья лепёшка шлёпалась не на пол, а на лопату. Так легче убирать, не надо было выскрести пол!

Мама очень жалела подопечных коров. Она старалась как-то их подкормить. Летом она выгоняла коров в ближайший редкий лесок, чтобы те пощипали свежую траву. Пока они бродили между деревьями, мама рвала траву и складывала в мешок. А я следила за коровами, чтобы они не разбрелись. Особое внимание мама уделяла беременным коровам: чаще меняла подстилку, побольше подкладывала травы.

Голодали не только животные, но и люди. По карточкам работающему человеку выдавали на день 300 грамм хлеба, а на ребёнка 100 грамм. В месяц полагалось по килограмму муки и овсяной крупы, по 200 грамм маргарина и по 300 грамм сахара. Но чаще вместо сахара давали сахарин. Ни молочных продуктов, ни овощей, ни фруктов в магазинах не было. Только на рынке. А стоили они дорого. У нашей мамы зарплата была

маленькая, и мы очень редко покупали молоко, в основном только для Эдика.

Но и с карточками приобрести продукты стоило больших усилий и занимало много времени. Мама с утра до вечера была на работе. Мне приходилось рано утром занимать очередь и простаивать по несколько часов, чтобы получить в руки вожделенные 500 грамм вязкого чёрного хлеба на трёх человек. Я всегда с волнением следила за руками продавщицы, которая взвешивала хлеб. Во-первых, чтобы она не обвешала. Во-вторых, мечтала о довеске — кусочке хлеба до положенных 500 грамм. Этот довесок мне разрешалось съесть. Положив кусочек в рот, я не жевала его, а медленно сосала, наслаждаясь хлебным вкусом. И уже перед домом глотала хлебную жижу.

Как же мы выживали? Да по-разному. Я всё лето по подсказке знакомой старушки собирала разные травы, цветы и ягоды, заготавливала много грибов. Всё это развешивала в нашем сарайчике, чтобы высушить. После войны соль выдавали только по талонам очень маленькими порциями. Поэтому грибы мы не солили, а только сушили. На покупку мяса у нас не было денег, и грибы заменяли мясо. Настоянный на травах чай был душист и вкусен, к нему не требовались сладости. Из сухих ягод и крахмала, который продавали без карточек, мы варили кисель и ели его с хлебом.

Осенью у нас появился ещё один способ пополнения нашего продовольственного запаса. После уборки урожая в амбарах скотного двора привозили овощи и фрукты. В основном это были яблоки, которые являлись отходами: с гнилью, побитые, мятые. Всё это предназначалось не людям, а скотине. Работникам подсобного хозяйства строго запрещали их брать. Но мы были голодны. Несмотря на запрет, пробирались тёмными вечерами к маме в коровник и из большой кучи наваленных овощей

и яблок выбирали хоть немного пригодные для еды. Самыми сохранными оказывались плоды белой свёклы. Её почему-то не употребляли в пищу и скармливали скотине. Мы научились делать из неё так называемые печёнки: нарезали её ломтиками и пекли на горячей чугунной плите. Остывшие печёные кусочки свёклы складывали в холщовые мешочки. Когда хотели есть, а в доме не было еды, мы доставали эти печёнки и жевали их, заглушая голод.

В сентябре 1946 года впервые, хотя мне было уже 10 лет, я пошла в школу. Меня приняли сразу во второй класс, так как я умела хорошо читать. Чтению научилась ещё в плену, в Германии. Когда мы жили в Иркутске, в нашем доме на полках было много книг. Как только выдавалось свободное время, я читала их. А вот писать совсем не умела. И учительница терпеливо учила меня чистописанию.

Задача была не из лёгких. Не было ни ручек, ни чернил, ни тетрадей. Даже азбук было всего несколько штук на весь класс. Тетради мы делали из жёсткой обёрточной бумаги коричневого цвета. Большой лист нарезали на несколько равных частей, сворачивали их вдвое, а в середине сшивали нитками. Затем по линейке карандашом чертили горизонтальные линии. Получалась тетрадь в линейку. В такой тетради учительница писала красивым почерком по одной букве на каждой горизонтальной черте. А мы должны были писать похожие буквы. Писали мы химическими карандашами. Почему их так называли — не знаю. Наверное, потому, что их нужно было слюнявить. Буквы и наши языки получались фиолетовыми, не очень красивыми.

Я в своей маленькой детской жизни все дела выполняла быстро и ловко. И дома, и в школе. Но буквы в моей коричневой тетради не слушались меня. Они скакали вкривь и вкось,

вылезали за линии. Учительница знала, что я не училась в первом классе, а потому подходила ко мне чаще, чем к другим ученикам. Но мне не нравилось её излишнее внимание. Я была самолюбива. Обижалась, когда меня слишком опекали, когда дети смеялись над замечаниями учительницы по поводу моих каракуль. Вечером дома я упорно выводила на полях газет буквы. И вскоре писала не хуже других учеников нашего класса.

А ещё дети насмехались над моим немецким акцентом и белыми волосами. Я была маленькая, худенькая, с большими голубыми глазами, и ребята стали дразнить меня «немкой» и «белой совой». В ответ я неистово дралась. Но в то же время кидалась на помощь тем, кого обижали или кто не мог справиться с учебным заданием. Это изменило отношение одноклассников ко мне. Месяца через два дразнилки прекратились. Ребята перестали замечать и мой акцент, и мои волосы. Всё чаще они называли меня Белой Лилией.

Моему брату повезло: его приняли в детский сад. Я ему завидовала, ведь там кормили три раза в день! И радовалась, когда он болел: можно было пойти в детсад и получить его обед. Я прибежала на кухню с двумя котелками, и сердобольная кухарка наливала мне две порции овсяного супа и две порции какой-нибудь каши, чаще всего овсяной. В послевоенные годы во всех столовых страны, во всяком случае в её западной части, кормили народ овсянкой. Нам с братом этой еды хватало на целый день.

Приближался 1947 год. Праздник! Новый год! За время оккупации и плена мы забыли, что существует такой праздник. В школу принесли большую ёлку. Ученики оставались после уроков делать игрушки из подручных материалов: цветной бумаги, лоскутков ткани, конфетных обёрток и прочего.

Я вспомнила своё довоенное детство, когда мы с мамой наряжали ёлку, и загорелась устроить праздник дома. А для новогоднего праздника нужна ёлка. Взяв с собой топор, я пошла в лес, который начинался сразу за скотным двором. Выпавший свежий снег мешал двигаться. Я постоянно проваливалась. На мне была старенькая шубёнка и валенки, подаренные ещё в Иркутске. Долго бродила по лесу, отыскивая нужную ёлочку. Наконец увидела мою красавицу. Пока рубила её, вся взмокла от усердия. Тащить ёлку по рыхлому снегу было тяжело. А тут ещё усилился мороз и ветер, а я по дороге варежки потеряла. Пока дотащила ёлку до барака, кончики пальцев и нос стали белыми. Соседи по бараку кинулись растирать меня снегом.

Сразу вносить ёлку в тёплую комнату нельзя: осыплется. Её поставили в снег во дворе барака. Всю неделю мы с братом делали игрушки. Я шила из тряпочек маленьких куколок. Из подаренной кем-то старой красной кофты сшила себе юбочку. Эдику склеила из цветной бумаги жабо и колпак, как у клоунов. Для мамы из оставшихся кусочков красной ткани соорудила большой цветок. Из белой бумаги нарезала звёздочки и наклеила на окна. Мы были готовы к встрече Нового года. Пора наряжать ёлочку.

30 декабря, придя из школы, я побежала во двор за ёлкой и остолбенела: на прежнем месте ёлки не было. Со страхом проверила весь двор, заглянула во все закоулки. Ёлка исчезла! Первые за последние годы на глаза навернулись слёзы. Опустив голову и плечи, поплелась домой. Ныли отмороженные пальцы и нос. Будто они тоже страдали, как и моя душа. Гудела голова, словно в небе пролетали немецкие мессершмидты.

Дома рассказала Эдику о пропаже. Я так расстроилась, что делать ничего не хотелось. Я легла в постель. Лежала и тупо смотрела в потолок. Пришла с работы мама, но я не пошевелилась.

Эдик шёпотом рассказал ей о пропаже. Мама подошла, накрыла меня одеялом, погладила по голове, поцеловала в щёчку. Мама была скупа на ласку, особенно по отношению ко мне. Я — старшая, ответственная за всё. Я принимала своё положение как должное и не обижалась. От неожиданной материнской ласки я расслабилась, из глаз выкатилась слезинка. И я крепко уснула.

Утром, как всегда, проснулась рано: до школы должна была проводить брата в детсад. Поднявшись с постели, увидела в центре комнаты ёлку, а рядом с нею картонную коробку. Я зажмурила глаза. Не может быть! Это сон! В моей маленькой жизни больше было плохих неожиданностей, чем хороших. Открыв глаза, увидела рядом с ёлкой маму. Она улыбалась, что тоже случалось редко.

— Лиля, сегодня Эдика в садик не отпускай. Готовьтесь к Новому году, наряжайте ёлку. Игрушки в коробке. А мне пора на работу.

Я ощупала ёлку. Настоящая! И закружилась по комнате. Мы с братом радостно стали готовиться к встрече Нового года. Повесив на ёлку самодельные игрушки, открыли приготовленную мамой коробку. В ней лежали две блестящие звёздочки, серпантин, нитка ёлочного снега и несколько разноцветных шариков. Для нас все эти игрушки были настоящим богатством, особенно для брата — он вообще не знал, что есть такой праздник — Новый год. Он с восторгом рассматривал игрушки, хотел сам повесить их на ёлку. Но он так суетился, что один шарик выскользнул из его маленьких ручек и разбился. Эдик разрыдался. Я успокоила его и поручила повесить на ёлку серебристый дождик.

Родившийся в оккупации и росший в немецком плену, Эдик был слабеньким, нервным, очень эмоциональным

и беззащитным ребёнком. Он всегда старался быть поближе ко мне, держался за мою руку. Брат знал, что я умею драться и всегда смогу защитить его. Но если напроказничает, от меня ему тоже доставалось. Он жаловался на меня маме, но потом снова бежал ко мне.

Вечером мама пришла пораньше. Работникам подсобного хозяйства перед Новым годом раздали пакеты с продуктовым набором. Мы с замиранием сердца следили за мамиными руками. На стол легли невиданные нами деликатесы: банка кильки в томате, пакет сухого молока, пачка сливочного масла, три пачки печенья, пакет сахара и две плитки шоколада.

У нас не было красивой посуды — только котелок, железные тарелки, кружки и ложки. Мама откуда-то принесла два листа белой плотной бумаги. Чтобы как-то украсить стол, из этой бумаги я вырезала один большой круг и три маленьких круга. В середине нарисовала цветочки, загнула края и получились тарелки. Из оставшейся бумаги нарезала квадратики, сложила каждый в несколько раз и вырезала отверстия. Получились красивые салфетки. Мама нарезала хлеб тонкими ломтиками, намазала их тонким слоем масла и на каждый кусочек положила по три кильки. Рядом на салфетки легли ломтик шоколада, две печенки. В чай, настоянный на собранных мною травах, насыпали по ложке сухого молока и по щепотке сахарного песка. Втроём сели за стол, чокнулись кружками с чаем. Мы были очень счастливы: в комнате тепло от натопленной печки, на столе вкусная еда, рядом блестит ёлка и наша мама в красивом платье улыбается нам.

Ближе к полуночи взрослые собрались в красном уголке, а дети в нашей комнате, потому что ёлка была только у нас. Водили вокруг ёлки хоровод, рассказывали друг другу страшные сказки, читали стихи. Всем было весело. Мы прыгали, кричали,

а потом просто уснули под ёлкой. Этот Новый год был первым нашим праздником после многих лет. Именно поэтому я в подробностях запомнила его.

В марте 1947 года вышло постановление об отмене карточной системы. Помню, как на другой день после отмены мама, придя с работы, положила на стол целую буханку хлеба, пачку маргарина и сказала: «Ешьте, сколько хотите». И ушла поболтать к соседке. Я отрезала от буханки два тоненьких кусочка хлеба и тонко намазала их маргарином. Съели. Хотелось ещё. Без разрешения отрезать ещё по кусочку хлеба не решались. Эдик побежал к соседке, где находилась наша мама. Вернулся и сказал, что мама разрешила. Съели ещё по кусочку. Ещё хотелось. На этот раз к соседке пошла я. Увидев меня, мама сразу сказала: «Я же сказала — ешьте вдоволь!» Мы привыкли экономить и, несмотря на неутолённый голод, съели только полбуханки хлеба.

Мама очень устала работать в подсобном хозяйстве и ранней весной она устроилась в столовую официанткой. Жильё в общежитии пришлось оставить. Мы поселились в частном доме с помесечной оплатой хозяйке дома. Первое время нам жилось очень голодно. У мамы зарплата была маленькая, хотя работала с утра до вечера. Из неё часть нужно было отдавать за проживание в доме.

На новой маминой работе детского сада не было, и когда я уходила в школу, Эдик оставался дома один. Каждый раз брат плакал, просил взять его с собой в школу. Он боялся одиночества. Тяжело было оставлять брата одного. Но нужно было идти в школу, и я закрывала его дома на замок. По возвращению из школы заставляла его в кровати. Он лежал, укрытый с головой. Увидев меня, Эдик радостно бросался мне на шею.

Мама оставляла нам на еду в день два рубля. На рубль я покупала буханку хлеба и на рубль пачку сухого киселя. Я варила кастрюлю киселя, хлеб делила на четыре части, чтобы мы с Эдиком могли покушать четыре раза в день. Утром мы с братом вместе завтракали. Уходя в школу, я оставляла брату кусок хлеба и кружку киселя. В школе один раз в день нам давали небольшую порцию овсяной каши. Я брала с собой в школу маленькую баночку, в которую перекладывала часть каши для брата. И он с удовольствием её съедал.

Летом нам стало немного легче. За домом, в котором мы жили, была небольшая горка, на которой рос густой лиственный лес. С первого же своего похода я поразились его разнообразию и богатству: различные виды деревьев, кустарников, густые заросли орешника, на лужайках — ковёр цветов, в траве — ягоды и грибы. Я, конечно, обрадовалась такому обилию: можно сделать запасы на зиму. И мы ходили в лес. Брату не хотелось сидеть одному дома, и он иногда увязывался за мною. Эдик помогал собирать сухие ветки, палки и пни. Мы связывали их верёвкой и, подтащив к краю горки, спускали вниз прямо к стене нашего жилища. Так мы делали запас топлива на зиму.

В те годы печи в домах растапливали дровами или углём. Купить топливо на всю зиму мы не могли — дорого. Маминой зарплаты не хватало. Любые дощечки, палки, ветки тащили в дом. С наступлением темноты мы пробирались на территорию железной дороги, где в тупике паровозы заправляли углём и водой. Если паровоза не было, мы осторожно подползали к путям и обшаривали рельсы и насыпь в поисках упавших кусков угля. На шее у нас висели торбы, в которые мы складывали уголь. Действовать нужно было крайне осторожно, так как за хищение государственной собственности могли осудить на несколько лет. Но не нас, а маму.

В августе созрели орехи. Из холщового мешка я сшила два маленьких мешочка, и мы с братом ходили в лес за орехами. В первый день собрали только один мешок. Эдик быстро устал, просил кушать, а я не взяла с собой еду. Волоком подтащили мешок к откосу, спустили вниз. Он приземлился у стены нашего жилья.

Однажды я без брата собирала орехи. И вдруг услышала позади себя злобное хрюканье. Оглянулась — в мою сторону бежал здоровенный дикий кабан. Моментально бросив мешок, я взобралась на ближайшее дерево. Кабан подбежал к мешку, носом подкинул его, а высыпавшиеся орехи принялся яростно топтать. Подняв голову, увидел меня и двинулся к дереву. Вначале толкал дерево носом, потом налёг всем туловищем, пытаясь стряхнуть меня с него. Я упёрлась в ствол дерева ногами, а руками цепко держалась за ветки. Не знаю, сколько времени длилось наше противостояние. Наконец кабану надоело тыкать носом дерево. Злобно хрюкнув на прощанье, он удалился. Я с трудом сползла с дерева, руки и ноги одеревенели от напряжения.

Несмотря на опасную встречу с кабаном, походы в лес не прекратились. Приближалась зима, и надо было сделать хоть какие-то запасы, чтобы не страдать от холода и голода. Я продолжала таскать из леса хворост и орехи, а поздно вечером вместе с братом ходила к железной дороге за углём. Эдик стоял на страже и предупреждал меня, если кто-нибудь шёл в нашу сторону. Однажды мама заглянула в сарайчик и увидела, что он заполнен хворостом и углём, а по стенам висят связки сушёных грибов, ягод и различных трав. Она ахнула, потом обняла меня и сказала: «Бедная девочка, сколько же пришлось тебе трудиться! Будь проклята эта война, которая отняла у моих детей детство!» И расплакалась.

После войны необходимо было срочно восстанавливать экономику страны. Всё взрослое население и даже дети старше пятнадцати лет работали по 10-12 часов без отпусков и выходных. И наша мама с утра до позднего вечера находилась на работе. Возвращалась домой уставшая и нервная. Сразу ложилась спать. Буйное помешательство после пыток в гестапо и тяжёлый труд после войны отразились на её характере. Мы с братом старались её не тревожить. Сидели тихо, как мышки, боясь попасть под горячую руку. За любую провинность она могла сильно избить нас.

Летом 1948 года маму перевели на работу в другую столовую. Мы вынуждены были поменять место жительства, так как столовая находилась на другом конце города. Мой любимый лес остался вдалеке. Рядом с домом протекала речка Вотка. Не очень широкая и не столь глубокая, она медленно несла свои прозрачные воды куда-то вдаль. В реке виднелись отмели, в которых резвились большие стайки мелких рыбёшек. В некоторых местах реку можно было перейти вброд. Нам с братом речка понравилась. Мы часами играли на берегу, купались и даже пытались ловить наволочкой рыбок, как это делали другие ребята. Мы заворачивали рыбу в мокрую газету и жарили её на горячих углях костра. И тут же съедали без соли и хлеба.

В послевоенные годы в кинотеатрах Советского Союза появились трофейные зарубежные фильмы. Взрослый билет стоил 30 копеек, детский — 10. Жизнь была тяжёлая, развлечений — никаких. А на экране — красивая жизнь. И люди повалили в кинотеатры толпами. Нам с Эдиком тоже хотелось посмотреть кино, но у нас даже десяти копеек не было.

И мы придумали: надо собирать пустые бутылки. В пункте приёма за каждую бутылку платили 10 копеек — как раз на

один билет. Мы искали их вдоль дорог в канавах, в кустах около магазинов, пивнушек и столовых. Продуктов в те времена не хватало, а водку продавали повсюду. В разной таре, даже в трёхлитровых бутылках. Но найти выброшенную бутылку было делом трудным. Не одни мы такие умники: очень многие занимались сбором тары — и взрослые, и дети. Люди пополняли семейный бюджет разными способами.

Если нам с Эдиком удавалось найти одну бутылку, начинали спорить — чья очередь идти в киношку, как говорили в те годы. А если две, то в киношку шли вместе. Фильмы были на немецком или английском языках, без дубляжа. Внизу экранного полотна шли субтитры на русском языке, но очень быстро, я не успевала читать. Поэтому на один и тот же фильм мы ходили несколько раз: один раз смотрели, а второй — читали. И каждый поход в кинотеатр был для нас праздником.

Мне нравился Воткинск — маленький уютный городок, застроенный одноэтажными и двухэтажными деревянными домами. Вокруг домов было много деревьев и кустарников. В палисаднике каждого дома высажены черёмуха, сирень, рябина, росли разные цветы. Особенно радовали глаз яркие георгины — они цвели вплоть до октября.

У меня день рождения 18 сентября. Я очень любила цветы. Но к этому времени в палисадниках оставались одни георгины. Да только кто мне их подарит? И я решила сама сделать себе подарок. Накануне днём я прошлась по двум соседним улицам, высматривая, в каком палисаднике более красивые георгины и где легче перебраться через забор. Нашла такой дом недалеко от нашего. Вечером, когда стемнело, мы с Эдиком направились к нему. Оставив брата у забора и поручив ему следить за воротами дома, я протиснулась между досками и стала осторожно

срезать ножом цветы. В доме погасили свет, было тихо. Я спокойно вышла через калитку с охапкой цветов.

Утром проснулась в прекрасном настроении: на столе в ведёрке стоял большой букет прекрасных георгинов! Я запела и закружилась по комнате. Потом рядом с цветами увидела свёрток. Моё сердце дрогнуло. Подарок? Да! В пакете лежала голова куклы из целлулоида — такие кукольные головы продавали тогда в магазинах. Тут же я кинулась к своим коробкам, где хранились иголки, нитки и разные тряпочки. Я очень старалась сшить красивое тело и тщательно подбирала тряпочки для платья. Умудрилась даже изготовить шляпку. Получилось очень красиво. В школе, куда я принесла свою куклу, девочки сразу окружили меня. Они с восхищением рассматривали моё изделие и просили, чтобы я научила их шить. Учительница тоже похвалила меня. Я была счастлива. И принялась за организацию кружка по изготовлению кукол. Мы оставались после уроков и с энтузиазмом создавали свои «шедевры».

Наконец у нас появилось десятка два оригинальных кукол. Учительница, которая вела нас с первого по четвёртый класс, посоветовала создать кукольный театр. Мы увлеклись этой идеей. Я предложила поставить несколько сценок из «Сказки о мёртвой царевне и о семи богатырях» Пушкина. Учителя нас поддержали. Преподаватель русского языка взяла на себя роль режиссёра. Другие учителя приносили тряпочки для кукольной одежды. Преподаватель физкультуры, бывший фронтовик, раненный в ногу, из старых досок сколотил сцену для кукол. Кто-то принёс кусок бязи для занавеса. Мы усиленно репетировали.

Перед Новым годом в фойе поставили ёлку. Дети повесили самодельные игрушки. И вот днём 31 декабря все учителя и ученики собрались в фойе около ёлки. Дети рассказывали стихи, пели песни, водили хоровод. Потом взрослые принесли

нашу сцену, и мы показали спектакль. Всем понравилось наше выступление, нам долго аплодировали. Мы были счастливы. Потом ещё несколько раз выступали не только в своей школе, но и в других. А я увлеклась театром. В школьные и студенческие годы, и даже во взрослой жизни активно участвовала в самодеятельности. Занималась танцами, пела в хоре. Но самой большой моей страстью стал драматический кружок. Я мечтала стать такой актрисой, как Любовь Орлова.

В ту зиму мы были обеспечены топливом. Осенью мама взяла дополнительную работу: через день дежурила по ночам в столовой и чистила кастрюли. Поздно вечером я прибегала в столовую и помогала ей. На дне и стенках кастрюль оставались остатки каши и супа. Я собирала всё и складывала в бидон, который приносила с собой. Закончив своё дело, уходила, а мама оставалась дежурить.

Возвращалась я домой через кладбище. «Ночью? Через кладбище?» — спрашивали меня. Да, через кладбище! Я знала, что мёртвые не оживают и не встают из могил. Их не надо опасаться. А вот живой человек может быть опасен. Лично я боялась встречи не столько с бандитами или хулиганами, сколько с представителем государства — милиционером. То, что я несла в бидоне остатки пищи из кастрюль, считалось уголовным преступлением. Маму могли посадить за это в тюрьму, а нас с братом после приговора отправить в детский дом. Такой поворот в нашей судьбе действительно мог бы стать страшным. Но как-то милиционеру пришлось бы в голову, что маленькая худенькая девочка с белыми волосами может ночью ходить по кладбищу?

В 1949 году я окончила четвёртый класс, и меня перевели в семилетнюю школу. Осенью этого года Эдик пошёл в первый класс. Мы с братом сильно выросли из старой одежды. Собрав

надбавку к зарплате за ночную работу, мама отправилась на ба-
рахолку — рынок, где торговали поношенными вещами. Она
купила мне и Эдику валеночки с галошами, две зимние шап-
ки, офицерскую шинель, а также шкурку белой козы. Из шине-
ли мамина подруга сшила нам с братом пальто. Из козьей шкур-
ки сделала воротники и пришила их к пальто. Мы были очень
рады тёплым вещам, ведь так мёрзли в своих старых дырявых
пальтишках!

Учёба мне давалась легко. В немецком плену мы жили
в резервации, были оторваны от всего: ни книг, ни газет, ни ра-
дио. А в школе для меня открылся целый мир, который я с лю-
бопытством и упорством стала изучать. Одинаково любила все
школьные предметы, но особенно увлеклась историей. Этот
предмет преподавала молодая красивая женщина. Она так вдох-
новенно и так артистично описывала исторические события,
что весь класс сидел с открытыми ртами. Она не просто рас-
сказывала, но и нас вовлекала в процесс познания. По каждой
теме она поручала кому-нибудь из нас сделать доклад. Для этого
приходилось идти в библиотеку, подбирать нужный материал.
Потом на уроке всё, что написано в докладе, нужно было рас-
сказать классу своими словами. Она учила не слепо поглощать
учебники, а думать, постоянно расширять свои знания, задавать
себе вопросы и искать на них ответы. Благодаря ей я полюбила
процесс познания.

В те годы в семилетней школе ученики каждый год сда-
вали экзамены по всем пройденным предметам. Я была стар-
ше многих ребят в нашем классе и решила догнать своих свер-
стников. Получив на педсовете разрешение на досрочную сда-
чу экзаменов, засела за учебники. В первой половине учебного
года в пятом классе я сдала экзамены за пятый класс, весной —
за шестой. В послевоенные годы практиковались досрочные

экзамены, так как у многих детей не было возможности учиться во время войны.

Все экзамены я сдала на отлично. Педсовет нашей школы решил премировать меня бесплатной путёвкой в пионерский лагерь «Артек», о котором мечтали все школьники Советского Союза. Счастливая, я прибежала к маме и сообщила, что её вызывают в школу. Но счастье моё длилось недолго. Мама вернулась мрачная, долго молчала. Потом сказала, что дорогу до «Артека» и обратно должна оплачивать семья, а у нас денег нет. И взять их негде. Небо опрокинулось на меня. Возражать бесполезно. Да я и не думала возражать, так как знала, что денег действительно нет. И даже сейчас, когда пишу эти строки, у меня щемит сердце при воспоминании о несостоявшейся сказочной поездке в пионерский лагерь.

Я очень любила музыку и танцы. Когда в репродукторе звучала музыка, я начинала танцевать. Помню, с каким упоением танцевала под музыку французского композитора Сен-Санса. Сама придумывала движения или повторяла увиденные в кинофильмах. Недалеко от нашего дома находился клуб, где работали разные кружки, в том числе и хореографический. Летом я частенько заходила туда и, приоткрыв дверь в комнату, где танцевали девочки и мальчики, с замиранием сердца следила за ними. Однажды из этой комнаты вышла женщина, взяла меня за руку, ввела внутрь и сказала: «Садись и смотри. Захочешь танцевать — вставай и включайся в коллектив».

Я с упоением стала заниматься танцами. Мама много работала, и на мне лежали все заботы о доме и младшем брате. Пришлось отказаться от школьного кукольного театра, да и от многих других увлечений. Я легко усваивала всё, чему учила нас учительница танцев. Но вскоре мне пришлось прекратить

занятия. Зимой у меня появились сильные боли в суставах ног, временами я с трудом добиралась до школы. После пыток в гестапо могла выдержать любую боль, поэтому терпела. Но весной мне стало совсем плохо. Мама заметила моё состояние и обратилась к школьному врачу. Помню, как врач после осмотра сказал моей маме, что у меня ревматизм и сейчас эта болезнь поразила многих. Он выписал какие-то лекарства. В аптеках после войны лекарств было мало. Мама смогла достать только обезболивающие. Врач посоветовал найти муравьиный спирт, который хорошо помогает детскому организму при начинающем ревматизме. Но и его в аптеках мы не нашли.

С наступлением лета боли немного отступили. Я снова стала ходить в лес. Однажды набрела на большую муравьиную кучу и тотчас вспомнила совет врача лечить ноги муравьиным спиртом. Под платьем у меня были надеты трикотажные панталоны с длинными штанинами — так называемые рейтузы. Я заправила подол платья в рейтузы и потуже завязала под коленками штанины, чтобы муравьи не забрались под платье. Осторожно, стараясь не раздавить муравьёв, опустила ноги в муравьиную кучу. Жители этой кучи за несколько минут облепили мои ноги. Откровенно говоря, кусались они очень больно, но для меня такая боль была терпима.

Чтобы отвлечься от болевых ощущений, я стала наблюдать за действиями муравьёв. Это было удивительное зрелище! Муравьи, как маленькие солдатики, строем двигались к моим ногам. Поднимаясь вверх, постоянно кусали мои ноги, выпуская капельки той самой кислоты, которая, по уверению врача, должна была вылечить ноги. Добравшись до штанишек и не сумев пробраться через них, «лекари» падали на землю. На их место тотчас прибывали другие. Устав стоять, я аккуратно стряхнула с ног муравьёв. Ноги горели от укусов. Хотелось их почесать

или опустить в холодный ручей, но я боялась смыть муравьи-ную кислоту, которая должна была вылечить мои ноги.

Несколько раз за лето я стояла в муравьиной куче. И — о чудо! К осени мои суставы перестали ныть, я даже смогла бегать. Однако школьный врач запретил мне заниматься танцами в хореографическом кружке из-за больших нагрузок на суставы. Зиму я прожила без болей, но к весне они вернулись. Не такие интенсивные, как раньше, но чувствительные. Следующее лето я снова провела в компании моих друзей-муравьёв. Этого оказалось достаточно, чтобы на долгие годы забыть о больных суставах.

Глава четвёртая

МОЛОТОВ

Мамин брат Леонид в 1950 году вместе с семьёй переехал в Молотов (ныне — Пермь). Весной 1952 года мы получили от него письмо, в котором он сообщал, что построил дом в посёлке Гайва. Он приглашал нас, чтобы мы поселились в его доме. Нам надоело переезжать с квартиры на квартиру, денег на проживание в чужих домах не хватало. Да и жить рядом с родными всё-таки лучше. Поэтому мы решили поехать в Молотов.

Молотовская область в тридцатые-сороковые годы была местом ссылки осуждённых по политическим статьям. Город Молотов располагался в основном на левом берегу Камы, притока Волги. Дом дяди Лёни находился на правом берегу, в посёлке Гайва. Большая часть посёлка была застроена деревянными одноэтажными бараками. В них жили политзаключённые и строители Камской ГЭС. Ближе к лесу двумя ровными рядами выстроились частные домики, построенные вольнонаёмными рабочими-добровольцами.

В одном из таких домиков и жил дядя Лёня с семьёй. Дом был поделён на три части: прихожая с кухней, гостиная и за тонкой перегородкой — маленькая спальня. В прихожей стоял расписанный цветами и окованный железом большой сундук,

в котором хранилась одежда. Там же, справа от двери, находилась большая русская печь, рядом — ухват и кочерга. В глубине — большой деревянный стол, вдоль стен — деревянные лавки, на стенах — полки с посудой.

В горнице у стены слева была железная кровать, где спали дядя Лёня и его жена. Над кроватью висел модный в то время коврик с лебедями, нарисованными на клеёнке. Между двух небольших окон притулился сколоченный из досок стеллаж с книгами и всякой домашней мелочью. В центре комнаты стоял стол, рядом — табуретки и ещё один сундук, поменьше. Во второй маленькой комнатке стояли предназначенные для детей две железные кровати и тумбочка. Маме с Эдиком выделили одну кровать в детской комнате. Я устроилась на большом сундуке в прихожей.

Сразу за домом начинался лес. В первый же день приезда я отправилась изучать его. Увы, лес мне не понравился. Он состоял в основном из хвойных деревьев, а потому выглядел хмурым и неприветливым. Не было того обилия цветов и ягод, как в удмуртских лесах. Особенно меня взволновало отсутствие орешника, ведь запасы орехов, которые я собирала в Воткинске, были хорошим подспорьем в нашем скудном рационе питания.

При оформлении в восьмой класс выяснилось, что за обучение необходимо платить 150 рублей в год. В те годы в Советском Союзе бесплатным было только семилетнее образование. Я знала, что мама не сможет оплатить мою учёбу, и решила поступать в техникум на геологоразведочное отделение. Я, конечно, не понимала, что такое геологоразведка, но знала, что геологи постоянно ходят в экспедиции по лесам и горам в поисках полезных ископаемых. Мне нравилось бродить по лесу, лазать по горам, поэтому я стала готовиться к поступлению в техникум.

Но вмешался дядя Лёня. Он сам отвёл меня в школу и заплатил за обучение.

Осенью 1952 года я пошла в восьмой класс школы № 101. Я быстро влилась в коллектив. Восьмые классы формировались из выпускников семилетних школ, так что знакомиться друг с другом пришлось всем. Но я была удивлена тем, что здесь все обучались вместе: в Воткинске мальчики и девочки учились в разных школах. Первое время я конфликтовала с мальчишками, а потом привыкла и общалась с ними на равных.

Я не хныкала, когда меня дёргали за косы, а отвечала ударом кулака. Не визжала, когда в мою парту или портфель подбрасывали гусениц, жуков и даже дохлых мышей. Все изумлялись, когда я спокойно вынимала из-под парты какую-нибудь гусеницу или мышь и заталкивала её за воротник рубашки любому мальчишке. Они не знали, что за свою маленькую жизнь я таких ужасов насмотрелась, что уже ничего не боялась. И научилась себя защищать. Наш класс очень быстро стал дружным и активным коллективом. Мы часто выступали инициаторами различных школьных мероприятий: посадки деревьев во дворе школы, создания зоологического уголка, постройки кормушек и домиков для птиц.

Год обучения в школе № 101 особенно мне запомнился событием, связанным со смертью Сталина. В те годы для большинства советских людей он был высшим авторитетом, спасителем страны, отцом народов. Советская пропаганда уверяла, что победа над фашистской Германией, все успехи в экономическом развитии страны — всё это только благодаря мудрому руководству товарища Сталина. Без него враги захватят нашу страну. Особенно неистово в это верили те, кто вырос в годы Советской власти. Когда 5 марта 1953 года по радио объявили

о смерти вождя всех народов, страна погрузилась в атмосферу скорби и страха за своё будущее. До сих пор помню это состояние. Как мы будем жить без него? Что нас ждёт? Ведь нас окружают враги! Они только и ждут, чтобы напасть на нашу страну! В те годы радиоприёмник был редкостью, а телевизоров вообще не было. Люди узнавали новости из прикреплённых к столбам репродукторов, установленных на территории городов и деревень.

5 марта я лежала дома с тяжёлой формой ангины. Ко мне прибежала одноклассница и закричала: «Сталин умер!» Я сразу забыла о своей болезни, быстро оделась. Мы побежали в школу, в которой уже было много народу. Все учителя и ученики собрались в актовом зале вокруг радиоприёмника. Слушая сообщение диктора о болезни и смерти Сталина, многие плакали и шептали: «Что с нами будет?» Потом все разошлись по кабинетам. В нашем классе на доске красивым почерком было написано мелом: «Сталин жил, Сталин жив, Сталин будет жить!» Один из мальчиков бросил в доску перочинный ножик, и тот вонзился в слово «Сталин». Что тут началось! Многие кинулись к нему и били его кулаками. Вечером дома я даже написала стихотворение:

Март, пятое число.
Какой неумолимый час!
Когда весна стучалась к нам в окно,
Великий человек угас.

Но шло время. Никто нашей стране не угрожал. Все страны-участники Второй мировой войны занимались восстановлением своей экономики, никто не хотел снова воевать. Советские люди продолжали работать, а школьники снова сели за парты. Страхи за судьбу страны отступили. Мирная жизнь налаживалась. Люди повеселели. В магазинах расширился

ассортимент продовольственных и промышленных товаров. Из тюрем и колоний стали освобождать политзаключённых.

То же самое происходило и в посёлке Гайва, где мы жили. На территории посёлка в определённых зонах находились бараки с проживающими в них осуждёнными в основном по статье 58 Уголовного кодекса СССР. После реабилитации многие заключённые вернулись к своим семьям. А кому некуда было возвращаться, остались на строительстве Камской ГЭС, но уже как вольнонаёмные рабочие. В связи с этим освободилось несколько барачков. Администрация строительства Камской ГЭС решила заселить в них работников стройки.

Помещения барачков поделили перегородками на комнаты разной величины. В каждой комнате сложили из кирпичей печь. Верх печи накрыли чугунной плиткой с двумя отверстиями для чугунов, кастрюль и сковородок. Воды и туалета в барачках не было. Сколоченный из досок туалет находился на улице между четырьмя барачками. Воду приходилось брать из колонок, расположенных ближе к дороге. Самым ужасным было пользоваться ими зимой, в лютый мороз. Меня до сих пор охватывает озноб, когда вспоминаю, как приходилось полоскать бельё под струёй ледяной воды или бегать в наскоро сколоченный из тонких досок промёрзший и продуваемый всеми ветрами туалет.

Вот в таком барачке летом 1953 года нашей семье предоставили комнату. Мы очень радовались: у нас появилась своя жилая площадь, мы никому не будем мешать! В комнате были две железные кровати, деревянный стол, две табуретки. Всё остальное пришлось постепенно приобретать. Намотившись по чужим углам, мы были в восторге от жилища. Во дворе перед каждым барачком стояли маленькие деревянные сарайчики для каждой семьи. В них хранили бочки с квашеной капустой и солёными огурцами, дрова на зиму и разную домашнюю утварь.

Материально нашей семье в Молотове жилось легче. Зарплата работающих в Молотовской области была выше за счёт уральской надбавки в размере 15 % за проживание в суровом климате. Маму приняли на работу в рабочую столовую Камской ГЭС, где цены были ниже, чем в других столовых. Работникам столовой разрешали кормить членов своих семей по низким ценам. Несмотря на отдалённость столовой, я или Эдик частенько прибегали к маме с котелком за дешёвой едой.

Но климатические условия действительно были очень суровые: частые метели, сильные морозы вплоть до 50-55 градусов. Особенно тяжело было в первый год проживания в Молотове. Из нашей зимней одежды и обуви мы с братом уже выросли и, конечно, мёрзли. Мама летом взяла дополнительную работу и смогла купить в отделе рабочего снабжения, где цены были ниже, валенки себе и нам. На рынке купили Эдику поношенную, но в хорошем состоянии шапку-ушанку, а мне и маме шерстяные платки. Каким счастьем было идти по улице в мороз в валенках, в тёплом пальто и шерстяной шали! Радостно, что не деревенеют ноги от мороза, не приклеиваются ко лбу сосульками пряди волос — и ты спокойно шагаешь в школу!

Когда мы жили в Воткинске, мы не общались с соседями. Население города жило обособленно, семьями в собственных домах. А на Гайве обитатели бараков жили бедно, тесно, но весело и дружно. Вместе отмечали праздники, свадьбы, дни рождения. Вместе хоронили умерших и помогали пережить беду. Правда, случались ссоры и драки. Иногда женщины пускали сплетни про кого-нибудь, а потом таскали друг друга за волосы. Или мужчины по пьянке устраивали мордобой. Но всегда обитатели бараков кидались разнимать драчунов и решали конфликты без приглашения милиции.

Барачная детвора тоже была общей ватагой. Так же, как и взрослые, мы и дрались, и мирились между собой. Затевали разные игры, ходили летом в походы в лес или на речку, а зимой на каток или на лыжах. Всегда объединялись против ребят из частных домов. Те, кто жил в собственных домах, считали себя более состоятельными и презирали живущих в бараках, называя их барачными крысами. Поведение детей — это отражение поведения взрослых, а потому ребята частенько затевали драки с нами. Но мы всегда были готовы дать дружный отпор.

После страшной войны и первых послевоенных лет, когда все работали по 12-14 часов в день, не хватало продуктов, одежды, жилья, людям было не до праздников. К началу пятидесятых годов жить стало легче: улучшилось снабжение, каждую весну объявляли о снижении цен на продукты и промтовары, установили нормированный рабочий день, появились выходные и праздничные дни.

У жителей бараков не было радиоприёмников и телевизоров, а потому люди больше общались. В праздники все высыпали на улицу. Кто-нибудь из бывших фронтовиков приходил с трофейным аккордеоном или баяном. Вокруг гармониста сразу собирались люди и начинали петь или танцевать. Во время празднования Нового года или Рождества Христова лепили снеговиков, катались с горки на санках, фанерках. В дни государственных праздников все шли на демонстрации целыми семьями и трудовыми коллективами. Пели песни, несли транспаранты, дружно кричали ура. А потом рассыпались по городу, заходили в парки и клубы, где в буфетах продавали что-нибудь вкусненькое и бесплатно показывали кинофильмы.

В середине пятидесятых годов в нашем посёлке появились ещё два центра культуры: построили дворец имени Чехова и кинотеатр «Родина», а в парке имени Чехова соорудили

танцевальную площадку. Летом каждую субботу и воскресенье, а также по праздникам, здесь проходили танцевальные вечера под духовой оркестр. Зимой оркестр играл во дворце. И хотя вход на танцы был платным, народ валил валом. На танцы приходила разновозрастная публика: после войны мужчин не хватало, и женщины надеялись на танцах с кем-нибудь познакомиться.

Во дворце имени Чехова работали бесплатные кружки художественной самодеятельности. Мечтая стать актрисой, я записалась сразу в несколько кружков: драматический, танцевальный и хоровой. А вот со спортом у меня отношения не сложились: низкое давление, слабые лёгкие, больные суставы. Сочетать свои увлечения и отличную учёбу помогали упорство, азарт и стремление всё делать лучше других.

Эдик за годы проживания в Молотове подрос, окреп, увлёкся спортом, особенно тяжёлой атлетикой. В результате через год догнал меня по росту, а по физическим возможностям даже перегнал. Он стал как-то покровительственно относиться ко мне, как сильный мужчина к слабой женщине. На зависть другим девушкам переносил меня через лужи и сугробы, помогал зайти в автобус или электричку. Он подружился со многими ребятами и больше общался с ними, чем со мной.

Так как мама по-прежнему много работала, домашние хлопоты лежали на наших плечах. Параллельно с учёбой мне приходилось заниматься стиркой, уборкой, приготовлением обеда. Эдик помогал таскать воду с колонки и полоскать постиранные вещи обжигающе холодной водой из той же колонки. Летом мама покупала две машины дров. Мы с братом пилили их, а потом кололи и укладывали в нашем сарайчике в поленицы. Для нас, подростков, это была тяжёлая работа. Но мы знали: если летом этого не сделаем, то зимой не сможем

обогреть комнату и приготовить еду. Мы понимали, в каких условиях живём, и никогда не требовали от жизни того, чего она не могла нам дать.

Осенью 1953 года наш класс перевели в школу № 46. За отличную учёбу мой портрет поместили на доску «Гордость школы». Однако по дисциплине оценки у меня были низкие. Я была самой непослушной. Помню, как 1 мая в школе сделали учебным днём. Конечно же, я не смогла с этим смириться и увела весь класс на строящуюся ГЭС. Мы любили там загорать на горке. Приходит учитель на урок, а ребят нет. На следующий год День международной солидарности трудящихся снова сделали учебным, и снова я уговорила ребят уйти из школы. Но в этот раз у входа дежурил директор и никого не выпускал. Тогда мы спустились со второго этажа на связанных между собой поясах и убежали. Зачинщика вычислили сразу. На педсовете меня предупредили, что за такое поведение отчислят. Я возразила, что отчислить меня нельзя, так как я гордость школы.

Если в Воткинске я только начала познавать мир и жадно поглощала все учебники, в результате чего была отличницей по всем предметам и семилетнюю школу окончила за пять лет, то в молотовской школе у меня проявилась склонность к гуманитарным наукам. Мне больше нравились русский язык, литература, история, география. Я стала изучать их глубже. А произведения русских и зарубежных писателей читала взахлёб.

Русский язык и литературу нам преподавала замечательная учительница. Она обратила внимание на мою увлечённость предметом. Я писала интересные сочинения на заданную тему, выразительно читала наизусть стихи и подробно рассказывала биографии писателей. И учительница предложила создать в школе литературный и драматический кружки. Я с энтузиазмом

ухватились за эту идею. По характеру была стремительной, неуслужливой, всегда спешила высказать своё мнение и показать свои знания. Со свойственным мне рвением взялась сначала за создание литературного кружка. Мы собирались в пустующем классе, обсуждали литературные произведения, читали стихи и отрывки из книг известных писателей, выступали на различных мероприятиях, проводимых в нашей школе.

Но мне этого было мало. И я создала драматический кружок, в который вовлекла несколько мальчиков и девочек из разных классов. Мы пробовали свои силы, разыгрывая небольшие сценки из литературных произведений Чехова и Горького, Фадеева и Симонова. Затем поставили несколько сатирических эпизодов из жизни нашей школы.

В девятом классе я пережила первую влюблённость. Директор школы посоветовал поставить несколько сценок из только что опубликованной книги Александра Фадеева «Молодая гвардия». Я стала подыскивать мальчиков и девочек на роли молодогвардейцев. За два месяца до этого на экранах советских кинотеатров прошёл фильм «Молодая гвардия», роль Олега Кошевого в котором сыграл светловолосый и голубоглазый актёр. И я, естественно, искала такой типаж.

Однажды ко мне подошёл темноглазый и темноволосый паренёк высокого роста и заявил, что его зовут Валентин Ефремов и он хочет сыграть Олега Кошевого. Я удивлённо на него посмотрела, рассмеялась и по привычке скатилась по перилам вниз на первый этаж. Но Валентин на своих длинных ногах первым оказался внизу и подхватил меня на руки. Он так посмотрел на меня, что я смутилась, покраснела и выскользнула из его рук. Неожиданно для себя я выкрикнула: «Приходи завтра». Начались репетиции. Весь наш театральный коллектив играл хорошо. 1 мая мы показали наш небольшой эпизод из книги.

Спектакль понравился. Мы заслужили громкие аплодисменты, а мне впервые в жизни подарили цветы.

Валентин постоянно находился около меня, выполнял все мои поручения и каждый раз пытался проводить меня. Но я стеснялась его внимания и незаметно убегала одна. Когда же я подходила к бараку, Валентин уже стоял у дверей. Потом он молча гладил меня по голове и уходил. Его молчание и какое-то трепетное отношение ко мне возымело своё действие: я влюбилась в него. Наступили каникулы. Валентин окончил десятый класс, а мне предстояло учиться ещё год.

Шло время. Валентин долго не появлялся, и мне было грустно и одиноко. Я всё чаще приходила в парк, где мы встречались, и сидела на скамеечке. И вот однажды именно на ней увидела Валентина. Стремглав я кинулась к нему. Он подхватил меня на руки и впервые поцеловал. Неожиданно для себя я ответила на поцелуй. Мы оба смутились и покраснели. Потом долго сидели в парке, взявшись за руки. Он рассказал, что устроился на работу, чтобы заработать деньги и подготовиться к вступительным экзаменам в университет. Встречались мы не очень часто: Валентин жил далеко, а транспорт тогда ходил редко. Но я не волновалась — впереди нас ждала совместная учёба и совместная работа.

Наступила весна 1955 года. Я сдала все экзамены за десятый класс, получила аттестат зрелости и стала ждать Валентина, чтобы готовиться к экзаменам в университет. Прошёл июнь, наступил июль... Но его не было. Сначала я недоумевала. Потом обиделась и одна поехала сдавать документы для поступления в университет. Конкурс на юридический факультет был большой — восемь человек на место. Приём девушек на этот факультет вообще был ограничен. Сдала вступительные экзамены

на отлично и получила сообщение, что меня приняли на первый курс.

Радость поступления была омрачена: Валентин не пришёл! Хотела поехать в Заозерье, но не знала его домашнего адреса. Скорбная весть настигла меня в сентябре: случайно встретила его старшего брата, и он сообщил, что Валентин во время рыбалки утонул в Камском море. Мне было очень горько от внезапной потери любимого человека.

Чтобы забыться, я с головой окунулась в студенческую жизнь, которая началась с поездки в ближайший колхоз на уборку картофеля. Как же бедно, в каких ужасных условиях жили в те годы колхозники! Сельскохозяйственная техника была старая, электроэнергия в колхозы не поступала. В быту использовали керосиновые лампы и свечи. Фактически колхозники были на положении рабов: у них не было паспорта гражданина СССР, поэтому они не могли уйти из колхоза. Им не платили зарплату, а за выполненную работу записывали трудодни. Небольшую часть трудодней оплачивали деньгами, оставшуюся отоваривали той продукцией, которую выращивали в данном колхозе. Они даже не получали пенсий по старости и инвалидности. Естественно, колхозники работали плохо.

И каждую осень половину населения страны отправляли на уборку урожая. В основном это были ученики старших классов, студенты с первого по третий курс. Ездили на поля и научные работники (независимо от своих званий и заслуг). Они убирали в стол свои рефераты и научные статьи, прекращали опыты и наблюдения, запасались хлопчатобумажными перчатками и направлялись в колхозы.

На втором курсе нас отправили собирать целинный урожай в Казахстан, а на третьем — на Алтай. На целине мне понравилось. Разместили нас по два-три человека в домах целинников.

Кормили в столовой. Погода была сухая и тёплая. Главное — наш труд был оплачен. Но не деньгами, а зерном. Нам выдали сертификаты на определённое количество зерна, которые мы могли отоварить на элеваторе в своём городе, а затем продать на рынке или там же, на элеваторе. Конечно, было стыдно торговать на рынке, и мы по дешёвке продали зерно работникам элеватора. Сумма получилась скромная, но я умудрилась сшить себе зимнее пальто. В магазине «Лоскут», где продавали остатки тканей по цене в три раза ниже, купила сукно, ватин и саржу на подкладку. У мамы нашёлся поношенный воротник из натурального меха. И я создала тёплое, довольно приличное по меркам того времени пальто. Шить я научилась в детстве, что очень помогало мне красиво и модно одеваться. Шитьём подрабатывала — к праздникам ночами шила платья своим сокурсницам, поэтому у мамы не просила ни копейки. А ещё каждое лето во время каникул работала или в пионерлагере, или в детском саду.

Я даже не ожидала, что мне так понравится учиться именно на юридическом факультете. Мы изучали теорию и историю государств, политэкономия, римское право, философию, логику, ораторское искусство, латинский язык. Ведь именно римляне были основателями государственных законов! Конечно же, изучали правоприменение действующего советского законодательства по уголовному, гражданскому, семейному, трудовому праву. Но меня больше привлекали вопросы политики и экономики. Моими любимыми предметами были политэкономия, история и теория политических учений. Основной массе студентов нашего факультета эти предметы казались скучными, а я и курсовые писала именно по вопросам экономики и политики. Несмотря на это, я никогда не ходила на демонстрации и вообще не любила находиться в толпе. Вероятно, потому, что

была маленького роста и в толпе растворялась. Мне казалось, что не страдаю комплексом неполноценности, но где-то внутри я это чувствовала.

Воспитать себя мне помог весёлый и добрый чёртик, который сидел во мне. Он подсказал мне: стань сильной, но не злой, стань энергичной, но не унижай окружающих, стань вожаком, но направляй только на добрые дела. И главное — не пасуй перед трудностями, продавливай их, не теряя своего достоинства. Я занялась формированием своего характера и стала такой, какой хотела.

Не забывала я и своего главного увлечения: занималась в драматическом кружке. В середине пятидесятых годов в нашем университете было два драмкружка. Одним руководил актёр нашего драматического театра Виктор Чекмарёв. Он уже был известен на всю страну, много снимался в кино. Второй кружок взял под своё крыло только что окончивший театральный институт и направленный в наш драмтеатр отрабатывать положенные молодому специалисту три года никому ещё не известный Марк Захаров. В 2018 году он отмечал 85-летие и с теплотой вспоминал пермский период. Он сказал, что именно в Перми, руководя университетским кружком, понял, что его призвание не актёрство, а режиссура.

Получив диплом юриста широкого профиля, я уехала в Азербайджан. Работала там юрисконсультком, затем начальником юридического отдела на крупном заводе, заведующей правовой инспекцией труда в республиканском комитете профсоюзов Азербайджана. Сорок лет я отдала Азербайджану. Главных, лучших лет! Именно здесь встретила вторую любовь. Вернее, первую, настоящую любовь, которая была взаимной. Но мы не могли быть вместе. Он был гражданином другой страны, к тому же военный, а я работала на закрытом предприятии. По мнению

контролирующих органов, наша любовь «представляла серьёзную угрозу безопасности нашей страны». И вот в этой ситуации я оказалась бессильной. Нас разлучили: его отправили на родину, а за мной установили контроль.

Но заставить меня разлюбить этого человека никто не мог. И я пронесла свою любовь через всю жизнь. Жизнь счастливую и горькую, наполненную яркими, радостными и в то же время чудовищными событиями, которые перелопатили всё моё существование.

В связи с распадом СССР я оказалась без работы, без квартиры и вынуждена была уехать из Азербайджана. На вокзале меня провожали друзья. Открыли бутылку шампанского. Муж моей самой близкой подруги сказал: «Хочу выпить за то, что, несмотря на тяжёлые обстоятельства, ты не спилась, не скурвилась, осталась человеком». Да, слова не очень деликатные, но точные. Я не ропщу на свою жизнь. Я выстояла, справилась со своими невзгодами и забыла их. А прекрасные моменты запомнила навсегда. Я снова живу активной жизнью и действую.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Лилия (слева)
в пионерском
лагере.
В то время мама
мыла ей голову
ромашкой,
чтобы волосы
не казались седыми.
Воткинск,
август 1949 года.

Антонина Алексеевна
Дерябина.
Воткинск,
сентябрь 1948 года.

Антонина Алексеевна Дерябина на работе в столовой.
Воткинск, 1950 год.

Лилия
(крайняя слева)
с одноклассницами
возле школы № 46.
Молотов, 1953 год.

Лилия (слева),
ученица 9 «Б» класса.
Молотов, 1953 год.

Антонина
Алексеевна
Дерябина.
Посёлок Гайва,
1955 год.

Эдуард и Лилия Дерябины. Пермь, 1964 год.

Лилия Васильевна, дипломированный юрист. 1965 год.

Антонина Алексеевна Дерябина в пионерском лагере «Салют». Пермь, июнь 1969 года.

Антонина Алексеевна Дерябина стала почётным пионером в пионерском лагере «Салют». Пермь, 1969 год.

Лилия Васильевна Дерябина на встрече с кадетами.
Пермь, 2014 год.

Вспоминать было страшно. Лилия Васильевна Дерябина
на презентации своей первой книги. Пермь, 2019 год.

✉ R.-G. Köhler – Neues Rathaus – 37070 Göttingen

Дерябина Лилия Васильевна

614030 Пермь / Perm
Россия / Russland

Göttingen, 09.12.2019/Ers

Уважаемая Лилия Васильевна Дерябина,

я обращаюсь к Вам при посредничестве госпожи Андреа Рэмсмайер, с которой Вы хорошо знакомы. От неё мы узнали, что во время Второй Мировой Войны Вы, будучи ребёнком, были насильно увезены вместе с Вашей мамой и младшим братом за пределы Вашей родины в Германию, в город Гёттинген, где были отправлены на принудительные работы. Я прочитал Ваши мемуары об этом страшном для Вас времени и эти повествования очень затронули меня.

Ответственность за всё, что Вам было причинено немцами во время нацистского режима в Германии, лежит тяжёлым бременем на нас. Мы в глубоком долгу перед Вами! В знак этого мы бы хотели пригласить Вас в Гёттинген 8-9 мая 2020 года на празднование 75-летней годовщины со дня окончания Второй Мировой Войны и освобождения от национал-социалистического произвола. Мы были бы очень рады личной встрече с Вами, чтобы выразить Вам наше глубокое сожаление и принести извинения за все причинённые Вам страдания.

Если Вы согласны, мы можем в спокойной обстановке и без спешки обсудить все детали Вашей поездки и Вашего пребывания в городе Гёттинген. Госпожа Рэмсмайер выразила свою готовность сопровождать Вас во время Вашего визита к нам. Я буду очень рад, если Вы примите наше приглашение.

С уважением,

Рольф-Георг Кёлер
Мэр города Гёттинген

В конце 2019 года мэр Гёттингена Рольф-Георг Кёлер прислал Лилии Васильевне письмо с приглашением посетить Германию 8–9 мая 2020 года по случаю 75-летней годовщины со дня окончания Второй мировой войны.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава первая.</i> Наш путь на восток	5
<i>Глава вторая.</i> Иркутск	13
<i>Глава третья.</i> Воткинск	32
<i>Глава четвёртая.</i> Молотов	54
Приложение	69

Литературно-художественное издание

12+

Лилия Дерябина
БЕЛАЯ ЛИЛИЯ,
или
История маленькой девочки из Советского Союза,
бывшей узницы лагеря для военнопленных

Книга вторая
Послевоенное детство

Редактор — *М. Масленникова*
Макет, вёрстка — *П. Нагорских*
Корректор — *А. Ракинцева*

Подписано в печать 25.02.2020 г. Формат 60×84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 4,65. Бумага ВХИ.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Тираж 600 экз. Заказ № 180992.

«Аргументы и факты — Прикамье». 614000, г. Пермь, ул. Петропавловская, 59а,
бизнес-центр «Премьер», 2-й этаж, офис № 2. E-mail: aif@aif.perm.ru.
Тел. (342) 2-200-100.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Астер Плюс».
614990, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», 5.
Тел. (342) 206-06-86.

АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ

Он посмотрел на меня, пощупал мои шрамы: «Господи, что натворила эта война!» Затем он отдал мамини вещи и быстро повёл нас к стоящим в ту

В этот момент я увидела, как слепой солдат с собакой.

— Дяденька! Там слепой солдат попасть на поезд. Возьмите его, — запричитала я.

Наш спаситель сурово посмотрел рукой: «Веди!» Я подбежала к нему на ухо: «Идёмте с нами, нас ухватил мою руку, и мы двинулись к поезду нас к тупику. Он оказал

Глава первая НАШ ПУТЬ НА ВОСТОК

Мы успешно прошли проверку в войны органами НКВД. Нашей маме паспорт, справку НКВД о нашем

нужно было предостережеть на проезд до Москвы на десять дней в дорогу, не догадываясь, что в Белоруссии было

Женщина
взобраться п
мама по

GÖTTINGEN
STADT DIE WISSEN SCHAFFT
DER OBERBÜRGERMEISTER
37070 GÖTTINGEN

✉ R.-G. Köhler – Neues Rathaus – 37070 Göttingen
Дерябина Лилия Васильевна

PRIORITY
PRIORITY